
Александр Яковлевич
РУБИНШТЕЙН

К ВОПРОСУ РАСШИРЕНИЯ
«ЧИСТОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ
РАСХОДОВ»

Москва
Институт экономики
2007

Рубинштейн А. Я. К вопросу расширения «Чистой теории общественных расходов» (научный доклад). — М., 2007. — 55 с.

Содержанием этого доклада является попытка пересмотра ряда исходных постулатов неоклассической теории с целью расширения модели конкурентного равновесия и включения в нее общественных предпочтений. В результате выполненного анализа «Чистой теории общественных расходов» Самуэльсона, «Мериторики» Масгрейва и «FS-модели» Марголиса в первой части доклада показано, что введение в стандартную рыночную модель общественных товаров, мериторных благ, а также альтруистических и/или социальных интересов требует принятия дополнительных предпосылок, которые входят в противоречие с базовыми аксиомами. Во второй части исследуются возможности отказа от абсолютизации методологического индивидуализма и замены данного постулата на более мягкое условие комплементарности индивидуальной и социальной полезности, допускающее существование интересов общества как такового, несводимых к предпочтениям индивидуумов. На основе парадигмы комплементарности и анализа «равновесия Линдаля» применительно к совокупному спросу, учитывающему как индивидуальные предпочтения, так и несводимые к ним групповые предпочтения, сформулирован принцип инверсии, устанавливающий связь между возникновением социального интереса в отношении частного блага и социальной мутацией этого блага, порождающей инверсию предельных условий равновесия. В третьей части рассматривается типология товаров и услуг, основанная на социальной полезности блага, и выводятся предельные условия для социального оптимума. В заключении доклада рассмотрены механизмы формирования общественных интересов, генерируемых рыночной средой и политической системой, и сформулирована исследовательская программа теории смешанной экономики.

©
А. Я. Рубинштейн,
2007

©
Институт экономики РАН,
2007

Введение

В экономической науке есть такие сюжеты, которые никогда не переставали волновать ученых. К ним, без сомнения, относятся проблематика общественных интересов, вопрос о взаимосвязях индивидуальных предпочтений и групповых предпочтений. В этом контексте открытие смитсианского рынка, в котором забота о благосостоянии общества была возложена на координирующую «руку провидения», можно рассматривать как исторический старт индивидуалистической парадигмы, властвование которой продолжается и по сей день. Сформулированный столетием позже принцип методологического индивидуализма, ограничивающий теоретические построения требованием сводимости групповых интересов к интересам отдельных людей, был канонизирован неоклассикой и превратился в «священную корову» стандартной экономической теории.

Своеобразным ответом на это стали непрекращающиеся попытки модификации рыночной модели, отстаивающие фундаментальный характер категории общественных интересов. Их биография включает такие направления научных исследований, которые остались нам, в виде наследия «Немецкой финансовой науки» (*Finanzwissenschaft*)¹, «Исторической школы», «Кейнсианства» и ряда других течений экономической мысли, представителей которых также нельзя отнести к слепым адептам индивидуалистической нормы.

1. См. обзорную работу Ричарда Масгрейва «Традиции теории государственных финансов и финансовой науки в сравнении» (*Musgrave (1996)*).

Введение

Продолжают этот ряд и новые научные направления, отличающиеся своей социальной доминантой и отказывающиеся от абсолютизации методологического индивидуализма².

И все же повторю: общественные интересы — это «вечный сюжет», проявляющийся во многих теоретических построениях. При этом отношение к групповым интересам во всякой теории основывается на исходном наборе ее аксиом, который, в свою очередь, обусловлен «методологическими ценностными суждениями» (*Nagel (1961, p. 492-495), Блауг (2004, с. 193-196)*). В таком качестве аксиоматика не может быть ни истинной, ни ложной — она остается плодом согласия людей. Время и нарастающие аномалии в рамках ортодоксальной теоретической системы приводят к смене господствующей парадигмы и к новому согласию в отношении используемой аксиоматики, к тому, что Кун называл «научными революциями» (*Кун (1977), Блауг (2004, с. 76-77)*)³.

Все это имеет отношение к современной экономической теории, содержащей в своем ядре ряд положений, уже недостаточно адекватных окружающему нас миру. Не претендуя на полное описание аксиоматики, выделю три базовых постулата. Речь идет об *индивидуализме* — сводимости любых потребностей общества к предпочтениям индивидуумов, *эгоизме* — максимизации индивидуальной полезности и *суверенитете* — свободе индивидуумов в своих предпочтениях⁴. Дополненные рядом других условий эти постулаты лежат в основе стандартной модели рынка, описывающей поведение его участников, обменивающихся частными (в основном) благами.

2. В качестве одного из примеров таких концепций назову «социоэкономику» (*Etzioni (2003)*). При этом подчеркну, что большинство общественных наук и прежде всего социология относятся к методологическому индивидуализму с достаточно большим скепсисом.
3. Заявляя о своих амбициях (*Гринберг, Рубинштейн (2000, с. 8)*), авторы Экономической социодинамики связывают новую парадигму с социодинамическим принципом комплементарности индивидуальной и социальной полезности.
4. Как подчеркивает Александр Либман, «Основная часть исследований «мэйнстрима» все еще соответствует парадигме, традиционно именуемой «неоклассической», то есть включающей в себя три предпосылки «твердого ядра»: индивидуализм, эгоизм и рационализм поведения экономического субъекта...» (*Либман (2006, с. 15)*). Доминируя в экономике, эта аксиоматика начинает главенствовать и в других социальных науках (*Хайлбронер (1993)*). Добавлю к сказанному, что «по умолчанию» неоклассическая теория продолжает использовать и принцип суверенитета индивидуума.

Введение

За пределами этого «в основном» экономисты сталкиваются с общественными товарами и мериторными благами, которые плохо поддаются описанию в рамках постулатов методологического индивидуализма, своекорыстия и суверенитета потребителя. Не вписывается в эту аксиоматику и альтруистическое поведение. Говоря же об экономических отношениях в целом, следует подчеркнуть, что из мотивационной триады — *эгоизм, альтруизм и общественный интерес* — традиционная модель рынка освоила лишь своекорыстного субъекта, игнорирующего чужие интересы и превращающегося в случае общественных товаров в неудобного «фрирайдера», а в случае мериторных благ — в нуждающегося в опеке иррационального индивидуума.

Развивая концепцию экономической социодинамики, допускающей существование интересов общества как такового, и в поисках новых аргументов в обосновании категории социальной полезности, я вернулся к «старой своей привязанности» — общественным товарам. Причиной тому стали несколько обстоятельств. Во-первых, мне показалось, что на этом «поле» стандартная теория испытывает самые серьезные трудности. Обнаружив феномен «фрирайдерства» и отсутствие позитивных цен, она, как оказалось, не смогла решить указанные проблемы без содержательных потерь и дополнительных, часто компромиссных, условий.

Во-вторых, сегодня вряд ли можно считать бесспорным старинный рецепт Кнута Викселя: «Если полезность для каждого отдельного гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна только нулю и ничему другому»⁵. Решение проблемы «фрирайдерства» исключительно с индивидуалистических позиций (методологический индивидуализм) и противоположный взгляд на мир, представляющий человека лишь в качестве элемента единого общественного организма (органическая концепция), не дали и не могли дать результата. Как и всякий односторонний подход, эти «ортогональные» друг другу попытки были не в состоянии заметить достоинств своих «*vis-a-vis*».

5. Будучи особо страстным проповедником методологического индивидуализма, эту тираду великого шведа почти сто лет спустя повторил Джеймс Бьюкенен в качестве эпиграфа к одному из разделов своей нобелевской лекции. (Бьюкенен (1997, с. 19)).

Введение

В-третьих, изучая литературу по теории общественных товаров, я убедился в справедливости и, главное, в методологической полезности вывода, сформулированного рядом ученых: особая миссия публичных благ состоит в том, что они являют собою превосходный тест для любой экономической теории; и если теория не способна корректно решить проблему «фрирайдерства», то она скорее всего не представляет научной ценности. Быть может, не в такой жесткой форме, но мне показалось уместным «протестировать» публичными благами различные теоретические концепции, затрагивающие проблемы общественных интересов.

Не ставя задачу развернутого анализа исследований, посвященных общественным интересам, и оставаясь в границах неоклассики, выделяю три ключевые работы второй половины двадцатого столетия, внесшие весомый вклад в современные представления о социальной составляющей рыночной модели. Речь идет о «Чистой теории общественных расходов» Пола Самуэльсона (*Samuelson (1954)*), «Мериторике» Ричарда Масгрейва (*Musgrave (1957)*) и «FS-модели» Ховарда Марголиса (*Margolis (1982)*). Содержащиеся в них идеи и подходы, как мне кажется, достаточно полно отражают многоцветную палитру взглядов данного направления теоретической экономики. В качестве хронологического продолжения этого же ряда исследований я вижу и собственную концепцию «Экономической социодинамики», разработанную совместно с Русланом Гринбергом (*Гринберг, Рубинштейн (2000)*)⁶. Анализ этих теоретических конструкций в контексте базовой аксиоматики и является содержанием первого раздела настоящего доклада.

Завершая это короткое введение, хочу выразить свою искреннюю благодарность Л. И. Абалкину, Р. С. Гринбергу, А. М. Либману, В. Н. Лившицу, Д. С. Львову, В. Л. Макарову, А. Д. Некипелову и В. М. Полтеровичу, подарившим мне свое время и доброжелательное обсуждение предварительной версии настоящего доклада.

6. Второе издание этой книги вышло на английском языке в издательстве «Шпрингер» (*Grinberg, Rubinstein (2005)*). В настоящее время закончена подготовка третьего, исправленного и дополненного, издания «Экономической социодинамики», которое планируется к выходу в свет в начале 2007 года.

I

Парадокс публичных благ

Так случилось, что экономисты не сразу обнаружили неоднородность главного модуля построенной ими рыночной модели. В итоге используемое в качестве универсального предмета обмена *частное благо* оказалось не только *частным случаем*, но и, цитируя Самуэльсона, «полярным случаем». Другим полярным случаем, по Самуэльсону, является общественное благо (*Samuelson (1955, P. 350)*).

Существуют несколько определений этой особой категории товаров и услуг. В трактовке Самуэльсона, например, «общественным является товар, который в одинаковом количестве входит в две или более индивидуальные функции полезности» (*Samuelson (1969, P. 108)*). Опираясь на исследование итальянского экономиста девятнадцатого века Уго Маццолы (*Mazzola, (1890)*), Марк Блауг предложил несколько иную редакцию этой дефиниции: «особая природа общественных благ заключается в том, что их потребление может быть только совместным и равным...» (*Блауг (1994, с. 549)*).

С приведенными дефинициями связаны два известных свойства публичных благ: неисключаемость и несоперничество в потреблении, современная трактовка которых принадлежит Масгрейву (*Musgrave (1959, 1969)*)⁷. Ключевым является и вывод о нулевых

7. Сам Масгрейв обращает внимание на работу Самуэльсона 1955 года, которая, по словам автора, мотивировала его описание ключевых характеристик публичных благ (*Musgrave (1983, P. 151, fn. 48)*). См. также обзор М. Пиккарда, представленный на 58-м конгрессе Международного института общественных финансов (*Pickhardt (2002)*).

предельных издержках производства общественных товаров, генерирующих *желание* потребителей скрывать свои потребности в этих благах — эффект «фрирайдерства». Отсутствие же позитивной цены генерирует *нежелание* субъектов рынка производить такие товары. Указанные причины вынуждают государство брать на себя производство общественных благ и использовать налоговые механизмы компенсации расходов. Это все хорошо известно, и здесь возникают три взаимосвязанных вопроса, требующих теоретического решения: во-первых, как определить оптимальный объем общественного блага, во-вторых, как оценить величину расходов на его производство и, в-третьих, какими должны быть налоговые взносы индивидуумов, чтобы обеспечить компенсацию государственных расходов.

Говоря о сформулированных проблемах и в целом об экономической теории общественных товаров, нельзя не вспомнить работы Эмиля Сакса («Фундамент теоретической государственной экономии» (1887)) и Кнута Векселя («Финансово-теоретические исследования наряду с описанием и критикой шведской налоговой системы» (1896)). Именно в этих исследованиях были предприняты первые попытки применения к общественным товарам еще совсем молодой тогда теории предельной полезности. Продолжая линию Сакса, который связывал потребности в общественных товарах исключительно с индивидуальными предпочтениями и полагал, что объем их предложения должен определяться путем голосования (*Sax (1887)*), Вексель добавил к этому маржиналистский принцип равенства цены предельной полезности блага и установил необходимость дифференциации цен на общественные товары (*Wicksell (1896, P. 8)*).

Относительное завершение данный сюжет получил в известной работе Эрика Линдаля «Справедливое налогообложение» (1919), где впервые было представлено теоретическое описание модели равновесия для общественных товаров. Исходя из необходимости дифференциации цен — разделения стоимости общественного блага между группами налогоплательщиков, Линдаль пришел к заключению о «сильной зависимости налоговых цен от предельной полезности публичного блага для каждой из указанных групп» (*Lindahl (1919, P. 172)*) и сформулировал вывод об эффективном равновесии, которое реализуется в точке пересечения кривой предложения с агрегированной кривой спроса, полученной посредством

вертикального суммирования индивидуальных кривых спроса (*Lindahl (1919, P. 173)*). Почти четверть века спустя алгоритм вертикального суммирования индивидуальных кривых спроса был вторично открыт Говардом Боуэном (*Bowen (1943, 27-48)*)⁸.

Логическую точку в описании равновесия для общественных товаров поставил Самуэльсон в середине 50-х годов в своей знаменитой трехстраничной статье «Чистая теория общественных расходов» (*Samuelson (1954)*). В данной работе были впервые сформулированы условия равновесия для общественных товаров, предполагающие, в отличие от частных благ, суммирование по всем индивидуумам предельных норм замещения. При этом, указав на существование множества Парето оптимальных равновесий и рассматривая проблему выбора «социального максимума, приводящего к «лучшему» состоянию мира», Самуэльсон сделал и другой принципиальный вывод о «невозможности децентрализованного спонтанного решения» (*Samuelson, (1954, P. 388)*).

Анализируя публичные блага, следует обратить особое внимание на тот факт, что предельные нормы замещения Самуэльсона, как и «персонифицированные цены» Линдаля, еще со времен Сакса и Викселя жестко «привязаны» к предпочтениям индивидуумов. Иначе говоря, и Линдаль, и Самуэльсон определяли условия равновесия для общественного товара в терминах оптимального соотношения исключительно индивидуальных предпочтений. Не обсуждая тему оптимальности, замечу, что при таком подходе общественные блага не слишком сильно отличаются от частных товаров и услуг, разве что процедурой «вертикального суммирования», которая отражает только одну их особенность — равный объем потребления «коллективного блага» всеми индивидуумами. При этом почти упускаются из виду другие свойства публичных благ — отличающие их неисключаемость и несоперничество в потреблении, генерирующие феномен «фрирайдерства».

8. Так случилось, что работы Сакса, Викселя и Линдаля долгое время оставались неизвестными англоязычным авторам. Это и стало, по мнению Масгрейва, причиной запоздалых повторных открытий. Косвенно на данный факт обращает внимание и Самуэльсон: «... кто-либо знакомый с важным обзором литературы Масгрейва (*Musgrave (1939)*), относящейся к этой области, будет поражен сходством между диаграммой по Боуэну и диаграммой Линдаля, воспроизведенной Масгрейвом» (*Samuelson (1955, P. 354)*).

Парадокс публичных благ

Вот здесь-то, в границах аксиоматики неоклассической теории, и обнаруживается ситуация, которую я рискнул назвать «парадоксом публичных благ». С одной стороны, «фрирайдерство» обуславливает нулевую оценку индивидуальной полезности общественных товаров, а тем самым и *нулевую общественную ценность* этих благ. Ибо согласно методологическому индивидуализму, если ни у одного индивидуума нет потребности в общественном благе, то в нем не может нуждаться и общество в целом⁹. С другой стороны, публичные блага, являясь теоретически очевидным объектом государственной активности, должны обладать ненулевой общественной ценностью. Желание разрешить этот парадокс вынуждает принять дополнительные предпосылки.

1.1. Предпосылка Самуэльсона.

Реконструируя анализ равновесия с участием общественных товаров, нетрудно заметить, что вслед за своими предшественниками Самуэльсон использовал следующую посылку: *если индивидуумы не демонстрируют свой интерес к общественному благу, то это не означает его реальное отсутствие*. Более того, сигнал об отсутствии заинтересованности индивидуума в общественном благе объявляется «ложным». Одновременно с легким упреком в адрес Линдаля на это прямо указал Самуэльсон: «Но как понимал Виксель, и, возможно, не полностью учитывал Линдаль, в собственных интересах каждого лица давать *ложные* сигналы. Это нужно в целях создания видимости меньшей заинтересованности в данном объеме коллективного потребления, чем та, что существует на самом деле» (*Samuelson, (1954, P. 388)*).

Итак, кроме объявленных индивидуумом его личных предпочтений, Самуэльсон постулирует еще и другой интерес, что «существует на самом деле». Появление этого дополнительного условия, допускающего две оценки полезности общественного блага одним и тем же индивидуумом, легко объяснить. В некотором смыс-

9. Напомню в связи с этим уже цитированное высказывание Кнута Викселя: «Если полезность для каждого отдельного гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна только нулю и ничему другому». На это недвусмысленно указывает и Самуэльсон: «я не предполагаю наличие мистического коллективного разума, который позволяет наслаждаться использованием коллективных потребительских благ...» (*Samuelson (1954, P. 387)*).

Парадокс публичных благ

ле это условие даже вынужденно и напрямую следует из абсолютизации методологического индивидуализма. В противном случае пришлось бы согласиться на нулевую общественную полезность публичного блага. С позиций двойственности полезности трактуется и феномен «фрирайдерства».

Повторю, отсутствие заинтересованности индивидуумов в общественном благе рассматривается Самуэльсоном исключительно как «ложный сигнал». Такая жесткая установка требует наличия «существующих на самом деле», истинных предпочтений индивидуумов, на основе которых и формулируются предельные условия равновесия для публичного блага.

Нетрудно установить и другую причину введения «двоемыслия» индивидуумов, проявляющегося в наличии двух оценок полезности блага. Оно потребовалось Самуэльсону для сохранения строго индивидуалистического подхода в отношении публичных благ, для устранения всякой возможности возникновения автономного общественного интереса, несводимого к предпочтениям индивидуумов (*Samuelson, (1954, P. 387)*). Дело в том, что в условиях «фрирайдерства» ненулевая общественная ценность публичных благ может быть только тогда, когда существует автономный общественный интерес, либо, кроме «ложных сигналов», имеются еще и «существующие на самом деле» ненулевые предпочтения индивидуумов. Отвергая наличие интереса общества как такового — общественной заинтересованности в «пользовании коллективными потребительскими благами»¹⁰, Самуэльсон вынужденно соглашается с существованием двух оценок полезности.

Таким образом, стремление преодолеть парадокс публичных благ при сохранении индивидуалистической нормы привело к другому противоречию. Оно состоит в том, что, применяя теорию *субъективной* полезности, Самуэльсон допускает наличие *объективных* предпочтений, жертвуя тем самым такой «теоретической святыней», как суверенитет индивидуума.

10. Указанный интерес не следует путать ни с так называемым органическим видением, ни с тем, о чем писал Сакс, полагая, что «...индивидуумы понимают важность конкретных целей для общества ...и склоняются к необходимости вычета требуемых благ из индивидуальной выгоды ради более важной коллективной выгоды» (*Sax (1924, S. 184)*).

I.2. Гипотеза Масгрейва.

Вслед за Самуэльсоном и, по-видимому, независимо от него такое же допущение использует Масгрейв, определяя мериторные товары как блага, спрос на которые со стороны частных лиц отстаёт от желаемого обществом (*Musgrave (1957, 1959, 1987, 1994)*). Иначе говоря, и в этой теоретической конструкции постулируется двойственность предпочтений индивидуумов, правда теперь в отношении мериторных товаров, в общем случае не обладающих свойствами публичных благ и не испытывающих «болезнь фрирайдерства». При этом и сам Масгрейв, и другие исследователи мериторики, принципиально оставаясь в рамках методологического индивидуализма, опираются на существование «правильных», рефлексивных предпочтений индивидуумов, отличных от их предпочтений, выявляемых рыночными механизмами (*Brennan, Lomasky (1983, P. 187), Head (1988, P. 30), Koboldt (1995, P. 13)*).

Примерно такую же трактовку двойственности предпочтений можно обнаружить у Манфреда Титцеля и Кристиана Мюллера: «...у человека одновременно может быть несколько систем предпочтений, то есть стандартов оценки, и системы эти при определенных обстоятельствах могут исключать друг друга так, что совсем другие, даже противоположные действия оцениваются как оптимальные» (*Tietzel, Muller (1998, S. 116)*). Близкую модель предлагают Р. Талер и Х. Шифрин, постулирующие «раздвоение личности» — одновременное исполнение человеком ролей «безвольной жертвы искусителя и ее рационального антипода — гордости создателя». Если первый ориентируется на эгоистические и близорукие действия, то второй стремится к реализации долгосрочных и просвещенных интересов (*Thaler, Shefrin (1981, P. 392-406)*)¹¹. Здесь невозможно не заметить почти полного сходства с «ложными сигналами» и предпочтениями индивидуумов, «существующими на самом деле».

Учитывая определенное родство общественных и мериторных благ, подчеркну главный недостаток концепций Самуэльсона

11. В каком-то смысле этот подход созвучен идеям Ховарда Марголиса, представленным в книге «Эгоизм, альтруизм и рациональное поведение» (*Margolis (1982)*), которые будут рассмотрены несколько позже. Отмечу и ряд других авторов, придерживающихся доктрины «просвещенного личного интереса» и выражающих заботу об общественных интересах (*Boulding (1973), Phelps (1975), Sen (1977), Hirschman (1985), Хиршман (2004)*).

и Масгрейва, с которым действительно трудно смириться. Я имею в виду «*двоемыслие*» индивидуумов. И дело не в отрицании амбивалентности в оценке товаров и услуг как таковой, а в ином понимании природы этой двойственности. На мой взгляд, подобное отношение к благу может быть обусловлено существованием *двух различных* источников его оценки, но никак не двоемыслием одного и того же индивидуума. Причем вторым и, главное, автономным по отношению к индивидууму источником оценки может быть государство, которое, выражая интересы общества в целом, выступает в качестве самостоятельного субъекта рынка¹².

Примечательным здесь является и тот факт, что в отличие от предпосылки Самуэльсона адекватная ей гипотеза Масгрейва уже около полувека подвергается нещадной критике. На этом фоне удивительной выглядит безоблачная история «Чистой теории общественных расходов»¹³. Пожалуй, единственным объяснением лояльности экономистов к предпосылке Самуэльсона является маржиналистская традиция, предписывающая индивидуумам *желание потреблять* публичные блага даже в тех условиях, когда они никак не проявляют подобную заинтересованность.

По-видимому, чувствуя данное противоречие¹⁴, Самуэльсон указал — повторю это еще раз — на «невозможность децентрализованного спонтанного решения». Другими словами, и «существующую на самом деле» заинтересованность индивидуумов, и персонифицированные цены Линдаля можно, по Самуэльсону, лишь постулировать, причем на основе ценностных суждений — «с точки зрения эксперта по этике» (*Samuelson, (1954, P. 388)*). Здесь также нетрудно заметить идентичность предпосылок Самуэльсона и Масгрейва. И в случае публичных благ, и в случае мериторных товаров «ложным

-
12. К этой важной для меня теме я еще вернусь. Причем, понимая непривычность рассмотрения государства в качестве самостоятельного субъекта рынка и желая уменьшить трудности такого видения, термин «государство» я готов заменить понятием некоммерческой организации, миссией которой является реализация общественных интересов.
 13. Та критика «Чистой теории общественных расходов», которая имела место, например, в работе Юлиуса Марголиса (*Margolis (1955)*), относилась к другим аспектам данной работы.
 14. В какой-то мере это чувство отразилось в критике Самуэльсона теоретических построений Линдаля и Боуэна: «Однако есть что-то окольное и неудовлетворяющее в обеих конструкциях Линдаля и Боуэна: они показывают, как выглядит итоговое равновесие, но сами по себе, в целом, не способны найти желанного равновесия» (*Samuelson, (1955, P. 354)*).

сигналом» объявляются предпочтения индивидуумов, выявляемые рынком, а в качестве истинных их предпочтений постулируются оценки «эксперта по этике». В этой ситуации очень важно понять, насколько в рамках базовой аксиоматики оправданы действия этого эксперта, нарушающего суверенитет индивидуумов.

Желание сохранить суверенитет потребителя нашло отражение в многочисленных попытках заменить нормативные решения «эксперта по этике» позитивными алгоритмами выявления «истинных предпочтений» индивидуумов в отношении публичных благ (*Vickrey (1961), Clarke (1971), Groves, Loeb (1975)*)¹⁵. При этом основная надежда здесь возлагается на построение «специального, поистине оригинального механизма налогообложения, который вознаграждает за правдивое представление предпочтений и штрафует за их сокрытие или фальсификацию» (*Тайдман, Таллок (2004, с. 395)*)¹⁶. Несмотря на все изящество решений, красивые результаты и важные достижения, имеющие самостоятельное значение, в главном эти исследования являются все же «шагом в сторону». И общий вывод Самуэльсона о невозможности децентрализованного решения остается верным, представляя, по-видимому, одно из фундаментальных положений теории общественных благ.

1.3. Условие Марголиса.

Почти тридцать лет спустя после появления «Чистой теории общественных расходов» Самуэльсона и мериторики Масгрейва при построении уже совершенно другой теоретической модели Ховард Марголис вновь использует парадигму «двоемыслия индивидуумов» — возможность существования двух оценок индивидуальной полезности товаров и услуг. Обосновывая свою концепцию и возвращаясь в связи с этим к проблеме публичных благ, он отмечает,

-
15. К приведенным работам следует добавить несколько статей, переведенных на русский язык (*Johansen (1963), Tideman, Tullock (1976)*).
 16. В предисловии к четвертому тому «Вехи экономической мысли» А. П. Заостровцев так охарактеризовал это направление исследований «... в такого рода конструкциях все хорошо и логично, кроме того, что они абсолютно неприменимы в реальной жизни» (Под общ. ред. *Заостровцева (2004, с. 13)*). Не совсем разделяя эту точку зрения и, наоборот, допуская самоценность чисто теоретических результатов, хочу подчеркнуть, что исследования подобного рода скорее обходят проблему корrekтности цен Линдаля, чем ее решают.

I
Парадокс публичных благ

что неоклассическая модель «обычного «экономического человека» оказывается ненадежной применительно к общественным товарам». Верно предсказывая существование проблемы «безбилетника», она одновременно использует такие исходные условия, что «..ни одно из реально существующих обществ не может функционировать в рамках ее предположений» (*Margolis (1982, p. 6)*). При этом сам Марголис смотрит на «фрирайдерство» с другой стороны и задается противоположным вопросом: почему случается такое, что индивидуумы платят за общественное благо и голосуют на выборах, тогда как рациональное поведение требует не платить и не голосовать (*Margolis (1982, p. 17)*)¹⁷.

Пытаясь ответить на поставленные вопросы и разрешить возникающий парадокс, Марголис, как и его предшественники, готов идти на определенное «смягчение «совершенных» предпосылок» (*Margolis, (1982, p. 6)*). Но, в отличие от Самуэльсона и Масгрейва, он не допускает выхода за границы суверенитета потребителя. В его трактовке модель рационального выбора должна сохранять возможность того, «что человек, который ведет себя даже таким образом, что наблюдатели считают его вредным для самого человека и окружающих, может, однако, быть рациональным» (*Margolis (1982, p. 14)*). Понятно, что такая установка несовместима с мериторным патернализмом Масгрейва и предпосылкой Самуэльсона о «ложных сигналах» и «существующих на самом деле» истинных предпочтениях индивидуумов.

Какое же решение предлагает Марголис и на какое дополнительное условие, смягчающее «совершенные предпосылки», он возлагает свои надежды? Этим условием служит *расширение границ смитсианского своекорыстия, причем столь далеко, что альтруизм превращается в составляющую рационального поведения*. Иначе говоря, Марголис в дополнение к традиционному своекорыстию вводит в свои теоретические построения «альтруизм или чувство социальной ответственности», развитое в модели как «групповой интерес» (*Margolis (1982, p. 11)*)¹⁸. При этом никакого

17. В данном случае Марголис имеет в виду голосование на выборах и добровольную оплату общественных благ в самой обычной ситуации, без введения «налога Кларка» или иных специальных методов выявления предпочтений индивидуумов.

нормативного содержания в понятие альтруизм он не вкладывает. Согласно Марголису, «альтруистическое поведение определяет то, что индивидуум мог бы получить большую полезность, если бы решил проигнорировать влияние своего выбора на окружающих» (*Margolis (1982, p. 15)*).

В качестве эффективного решения была предложена так называемая FS-модель (модель «справедливой доли»). Поместив внутри абстрактного человека двух индивидуумов — S-Смита, который ценит только корыстный интерес, и G-Смита, который ценит исключительно групповой интерес, и установив, что каждый товар или услуга для этих «сиамских близнецов» являются общественным благом, Марголис поставил задачу определения для них равновесных цен Линдаля¹⁹. При этом само экономическое равновесие он связывает с идеями дарвинизма: «Внутри группы побеждают эгоисты, между группами — ориентирующиеся на групповой интерес. Конкурентное преимущество при отборе получают те виды, в которых возможен компромисс индивидуальных и групповых интересов» (*Margolis (1982, p. 26)*)²⁰. Подобный компромисс и был использован Марголисом для нахождения цен Линдаля — «справедливой доли» индивидуальных и групповых интересов (*Margolis (1982, p. 36-41)*).

Надо сказать, что FS-модель действительно обеспечивает решение парадокса публичных благ, причем без какого-либо нару-

-
18. Любопытно, что шкалу альтруизма в своей книге Марголис сравнивает с осью мнимых чисел в теории функций комплексного переменного. Он пишет: «... математик может добиться определенных результатов, только если он признает существование мнимых корней. Но казалось невозможным понять, что эти корни «действительно» означают и как возможно использовать такой явный абсурд. Пока размышления были привязаны к понятию одного измерения числовой оси, концепция мнимых корней оставалась тайной. Принятие того, что «число» может рассматриваться в двух измерениях, причем таким образом, что оно представляет собой точку на комплексной плоскости (с «действительной» и «мнимой» осями), дало возможность увидеть, как отрицательное число имеет квадратный корень» (*Margolis (1982, p. 77)*).
19. Подчеркну, что сам Марголис указывает на «удачное расширение понятия «псевдорынка» Самуэльсона, которое ведет к решению проблемы равновесия Линдаля—Самуэльсона в расширенном домене рационального выбора, применимое как для эгоистичной мотивации, так и для ориентированной на групповые интересы» (*Margolis (1982, p. 78)*).
20. Здесь и другие примеры применения эволюционной теории в изучении альтруизма: Роберт Франк (1988), Гордон Гетти (1989), Герберт Саймон (1990), Теодор Бергстром (1995). См. также обзорную работу Елиаса Халила (*Khalil (2002)*).

шения суверенитета потребителя²¹. При этом сосуществование двух оценок полезности блага и суверенитета потребителя обеспечивается в данной модели тем, что указанные оценки, как и компромисс между ними, формируются внутри индивидуума. Иначе говоря, вместе с двумя независимыми источниками оценок полезности Марголис размещает внутри одного метафорического человека и самуэльсоновского эксперта по этике, моделирующего своими решениями генетические механизмы равновесия.

Чем же условие Марголиса отличается от предпосылки Самуэльсона и гипотезы Масгрейва, как это условие согласуется с аксиоматикой неоклассики? Ответ довольно прост. Проведенный анализ свидетельствует, что в аксиоматической комбинации трех базовых постулатов — индивидуализм, эгоизм и суверенитет потребителя — *Самуэльсон и Масгрейв пожертвовали суверенитетом, а Марголис — эгоизмом.*

1.4. Парадигма комплементарности.

Рассмотрев предпосылки Самуэльсона, Масгрейва и Марголиса, остановлюсь еще на одной аксиоматической вариации, на моих собственных представлениях, составляющих фундамент уже упоминавшейся концепции «Экономической социодинамики», разработанной совместно с Русланом Гринбергом²². Теоретическое ядро этой концепции предполагает смену господствующей парадигмы — переход от постулата методологического индивидуализма к более мягкому принципу комплементарности, допускающему существование

-
21. Дуглас Норт, в частности, подчеркнул, что «эта модель позволяет объяснить некоторые модели поведения при голосовании, которые представляются бессмысленными в рамках поведенческой модели индивида, стремящегося к максимизации личной выгоды» (Норт (1997, с. 30-31)). Одновременно с этим замечу, что полного решения парадокса публичных благ модель Марголиса не дает. За пределами данной модели оказываются общественные расходы, которые нельзя объяснить альтруистической мотивацией индивидуумов.
22. Пройдя широкое обсуждение, включая специально организованные дискуссии на Секции экономики РАН и Маршак-колоквиуме в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, эта концепция представлена в ряде специальных монографий, изданных в России и за рубежом: *Grinberg R., Rubinstein A. Ökonomische Soziodynamik und rationales Verhalten des Staates.* BIÖST-Verlag, Köln, 1999; *Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Экономическая социодинамика.* — М., 2000; *Рубинштейн А. Я. Структура и эволюция социального интереса.* — М., 2003; *Grinberg R., Rubinstein A. Economic Sociodynamics.* Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, New York, 2005.

групповых интересов наряду с предпочтениями индивидуумов. И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения общества как такового в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Формируемые в различных институциональных средах, эти интересы несводимы друг к другу. Опыт обсуждения данного теоретического положения свидетельствует об уместности следующего комментария.

Во-первых, рассматривая категорию несводимых интересов, отмечу, что речь идет о двух одновременно развивающихся параллельных процессах, о рыночной и политической ветвях формирования общественных интересов. Понятие несводимости в этом контексте означает лишь то, что интересы, выявляемые политической системой, не могут быть сведены к предпочтениям индивидуумов, выявляемых рыночным путем, то есть не могут быть представлены в виде какого-либо их агрегата²³. В связи с этим в экономической социодинамике и применяется принцип комплементарности индивидуальной и социальной полезности и рассматриваются два класса соответствующих функций.

Во-вторых, в рамках используемой парадигмы комплементарность полезностей трансформируется в комплементарность субъектов рыночного обмена: совокупность индивидуумов, действия которых рациональны по определению (принцип эгоизма или своекорыстия) и каждый свободен в своих предпочтениях (принцип суверенитета), дополняет государство, функционирую-

23. Риску предположить, что это теоретическое положение может существенно изменить отношение к известной теореме Эрроу «О невозможности». Дело в том, что из несводимости почти автоматически следует, что функция общественного выбора не может быть построена на основе индивидуальных предпочтений, выявляемых рыночными механизмами. Данный вывод совпадает во многом с позицией А. Д. Некипелова, который подчеркивает, что теорема Эрроу «на самом деле доказывает не отсутствие рационального правила социального выбора, а ошибочность исходного предположения о существовании системы групповых предпочтений, формирующейся на основе индивидуальных предпочтений» (Некипелов (2006, с. 257-258)). На этом, правда, совпадения заканчиваются. А. Д. Некипелов отказывается от положения, в соответствии с которым каждая группа «обладает собственной системой предпочтений, существующей наряду с индивидуальными предпочтениями ее членов» (Некипелов (2006, с. 233-234)). Для меня же невозможность построения критерия общественного выбора на базе рыночных предпочтений индивидуумов означает лишь то, что правила общественного выбора должны отличаться от тех, что сформулировал Эрроу в своей знаменитой теореме 1952 г.

щее как некоммерческая организация, миссией которой является реализация несводимых общественных интересов. При таком расширении неоклассической модели парадокс публичных благ разрешается почти автоматически, ибо оказывается возможным существование ненулевой оценки социальной полезности общественного товара даже тогда, когда индивидуумы не высказывают никакой заинтересованности в этом благе. Мотивация государства в подобных обстоятельствах обусловлена не феноменом «фрирайдерства», а способностью данного блага удовлетворять несводимые потребности общества.

В-третьих, следует подчеркнуть, что сам факт существования интереса общества как такового еще не означает подчинения ему интересов индивидуумов. Ибо дополнение индивидуальных предпочтений автономным общественным интересом не влечет за собой никакой их иерархии. Более того, одной из базовых предпосылок данной концепции является суверенитет индивидуумов и возврат к паретианскому табу на межличностные сравнения полезности. В этом, в частности, проявляется коренное отличие «Экономической социодинамики», скажем, от «Немецкой финансовой науки» или любых других теорий, устанавливающих примат общественных интересов. Запрет на иерархию интересов позволяет экономической социодинамике, даже отказываясь от методологического индивидуализма, оставаться в границах неоклассики.

Замечу, что в узком смысле социодинамическая версия рыночной модели консервативна, ибо для случая частных благ и сводимости всех потребностей ядро неоклассической теории остается незатронутым. Сравнивая экономическую социодинамику с FS-моделью, можно также обнаружить общее и особенное. И в первом, и во втором случае речь идет об эгоистических предпочтениях индивидуумов и об интересах общества как такового. Отличительная особенность экономической социодинамики состоит в том, что с позиций данной концепции указанные интересы не обязательно должны «жить» в едином теле метафорического человека. Повторю еще раз: в условиях экономической социодинамики носителем эгоистических интересов являются индивидуумы, а в качестве «ответственного» за общественные интересы выступает государство. Если же эгоистические интересы рассматривать в духе Марголиса, включая в них

I
Парадокс публичных благ

и альтруистическую мотивацию индивидуумов²⁴, то принцип комплементарности полезностей обеспечивает обобщение и FS-модели. В этом случае совокупность *эго-альтруистических* индивидуумов выполняет государство с его несводимыми общественными интересами.

Приведу сводную таблицу, в которой представлены рассмотренные в первой главе аксиоматические комбинации базовых постулатов и дополнительные предпосылки, используемые для разрешения парадокса публичных благ (Таб. 1).

Таблица 1. Базовые предпосылки и потребность в публичных благах

	I вариант	II вариант	III вариант	IV вариант
Нулевая оценка общественной ценности блага				
Публичное благо	да	нет	нет	нет
Базовые постулаты				
Суверенитет	да	нет	да	да
Эгоизм	да	да	нет	да
Индивидуализм	да	да	да	нет
Дополнительные предпосылки				
Предпосылка Самуэльсона и Масгрейва	нет	да	нет	нет
Условие Марголиса	нет	нет	да	нет
Парадигма комплементарности	нет	нет	нет	да

24. Приведу слова самого Марголиса: «Хотя каждый начинающий студент-экономист изучает, что экономический человек эгоистичен, нет стандартного определения того, что означает данное понятие» (Margolis (1982, P. 66)). Пользуясь этим, Марголис добавляет альтруистическую компоненту в понятие эгоизм и твердо стоит на том, что альтруизм является частью его эгоистической мотивации. На возможность широкой трактовки максимизации полезности, учитывающей моральные факторы, указывают и другие исследователи, в частности Тиан (Tian (2006)).

Приведенные в данной таблице результаты теоретического анализа свидетельствуют о том, что базовые постулаты суверенитета, эгоизма и индивидуализма не противоречат друг другу лишь в случае *нулевой* оценки общественной полезности публичных благ (первый вариант). При *ненулевой* их оценке приходится жертвовать либо суверенитетом индивидуумов (второй вариант), либо эгоизмом (третий вариант), либо методологическим индивидуализмом (четвертый вариант).

Подчеркну, что «болезнь фрирайдерства» характерна не только для публичных благ с их нулевыми предельными издержками. Желание индивидуумов не платить или платить не полностью легко обнаруживается в экономике мериторных товаров. По-видимому, тот же эффект наблюдается всякий раз, когда общество, реализуя свои автономные интересы, финансирует производство благ в объеме, превышающем индивидуальный спрос, включая предельный случай, когда индивидуальный спрос вовсе отсутствует.

В данном контексте конструкции Самуэльсона, Масгрейва и Марголиса остаются частными случаями. Ибо отказ от некоторых постулатов (суверенитет или эгоизм) не устраняет всех аномальных ситуаций, связанных с включением в модель различных типов социальных интересов, в том числе и интересов общества как такового. При этом четвертый случай (Таб. 1) и соответствующая ему модель, основанная на принципе комплементарности полезностей, обеспечивает решение любых аномальных ситуаций, где фигурируют социальные интересы и в том или ином виде проявляется феномен фрирайдерства.

II

Принцип инверсии

В этой главе я останавливаюсь на более подробном описании непосредственно четвертого случая (Таб. 1), содержательной дефиницией которого, как уже отмечалось, являются условия экономической социодинамики, ее исходные постулаты и главный из них — принцип комплементарности полезностей, устанавливающий существование интересов общества как такового, несводимых к предпочтениям индивидуумов. Возвращаясь еще раз к важнейшему для меня понятию «несводимость», хочу обратить особое внимание на предложение А. Д. Некипелова по поводу возможности отождествления категорий «несводимые интересы» и «ценностные суждения»²⁵. И хотя данный вопрос требует более глубокого изучения, а сами «ценностные суждения» являются предметом известной дискуссии о правомерности их включения в экономический анализ²⁶, я склонен согласиться с этой пока еще гипотезой.

25. Я уже писал об этом и здесь лишь повторяю то, что было сказано в статье «Экономика социального сектора: проблемы теории» (Рубинштейн (2005, с. 52, примечание 6)).

26. В этом вопросе я придерживаюсь тех же позиций, что и Самуэльсон в своих «основаниях экономического анализа»: «Та часть (экономики благосостояния. — А. Р.), которая *предполагает* межличностные сравнения полезностей, также имеет реальное содержание и представляет интерес для ученого-аналитика, даже если ученый не считает частью своей задачи выведение или проверку... ценностных суждений, следствия которых он перемалывает (grind out)» (Самуэльсон (2002, с. 222)). Обсуждение этой проблемы можно найти также в классических трудах Шумпетера и Блауга (Шумпетер (2001, с. 1060-1063), Блауг (2004, с. 190-222)).

II.1. Исходные предпосылки.

Рассматривая именно с таких позиций категорию несводимых интересов, надо обратить внимание еще на один аспект проблемы. Он связан с включением в анализ двух качественно разных интересов U_I и U_S . Один из них представляет собой агрегат индивидуальных предпочтений, трансформируемых механизмом невидимой руки в сводимый интерес общества: $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^K)$, где U^k — функция полезности k -го индивидуума²⁷. Другой — отражает «ценностные суждения» U_S , формируемые в границах и посредством политической системы, существующей в данном обществе²⁸.

Иначе говоря, предпочтения U_I и U_S являются результатом «работы» двух институционально разных ветвей формирования интересов социума. Одна из них связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией с помощью рыночного механизма, другая — отражает процесс зарождения, распространения и актуализации интересов общества как такового посредством институтов политической систем. Каждая из этих ветвей порождает свои, несводимые друг к другу интересы. И каждая из них «претендует» на определенный объем ресурсов, необходимых для реализации соответствующих интересов. Формируемые по разным законам и в различной институциональной среде, интересы U_I и U_S вступают в состязательное взаимодействие лишь на стадии их реализации — в «борьбе» за ограниченные ресурсы.

В рамках указанных предпосылок сформулирую *Лемму I*.
 Всякий несводимый интерес может быть выражен в потребности социума как такового в увеличении (уменьшении) объема производства (потребления) конкретного блага по отношению к той величине, которая соответствует рыночному равновесию между предло-

27. Строго говоря, здесь нужно говорить о множестве агрегатов $U_g^I = f_g(U^1, U^2, \dots, U^K)$. Для выбора одного из них невидимой руки явно недостаточно. Теория решает данный вопрос по-разному, но всегда на основе каких-то дополнительных предпосылок. Например, с помощью функционалов бергсоновского типа или оценок самуэльсоновского эксперта по этике, допускающих межличностные сравнения полезностей.

28. При этом и здесь надо говорить о множестве несводимых интересов $U_1^S, U_2^S, \dots, U_r^S$, где U_r^S — r -й интерес общества как такового. Возможность построения их некоего агрегата U_S на основе введения иерархии или порядковых соотношений для всей совокупности несводимых интересов общества будет рассмотрена позже.

жением этого блага и совокупным спросом индивидуумов, составляющих этот социум.

Другими словами, несводимый интерес общества материализуется в форме дополнительного спроса, предъявляемого некоммерческой организацией — государством (далее «меритором») в отношении конкретного блага. И в соответствии с аксиоматикой экономической социодинамики в случае частного блага этот дополнительный спрос равен нулю, в случае публичного блага, наоборот, нулевым является совокупный спрос индивидуумов (далее «мегаиндивидуума»), в случае мериторного блага спрос мегаиндивидуума дополняет спрос меритора²⁹.

Таким образом, ценностные суждения, сформировавшиеся в социуме, трансформируются согласно Лемме I в конкретную общественную потребность в отношении блага Q — скажем, в увеличении объема этого блага. В подобной ситуации, кроме предпочтений мегаиндивидуума U_I , появляются еще и предпочтения меритора U_S , стремящегося к увеличению потребления блага Q , причем теми же самыми индивидуумами, интересы которых представляет мегаиндивидуум³⁰. Неоднородность этих интересов U_I и U_S порождает проблему их агрегирования, то есть ставит задачу построения агрегированной кривой совокупного спроса, учитывающую предпочтения как мегаиндивидуума, так и меритора.

В связи с этим следует обратить внимание на следующий феномен. Возникновение несводимого интереса U_S в дополнение к сводимому интересу U_I в отношении блага Q и появление отвечающих за эти интересы пары игроков — меритора и мегаиндивидуума сопровождаются мутацией самого блага Q . Я имею в виду приобретение данным благом признаков общественного товара³¹. В этом

29. Для простоты изложения некоммерческую организацию — государство я буду называть в дальнейшем некоммерческой организацией «меритор» или просто «меритором», а совокупный спрос индивидуумов — спросом «мегаиндивидуума».

30. Замечу, что в предельном случае «публичного блага», порождающего феномен «фрирайдерства», спрос мегаиндивидуума равен нулю. В случае мериторных товаров, как и в условиях FS-модели с ее эго-альтруистичными индивидуумами, имеет место ненулевой спрос мегаиндивидуума, соответствующий общей ситуации.

31. Следует обратить внимание на аналогичные рассуждения Марголиса при рассмотрении поведения S-Смита и G-Смита, повлекшие за собой признание любого блага общественным товаром для данной пары участников в его FS-модели (*Margolis (1982, P. 3)*).

нетрудно убедиться, если проанализировать характер потребления мегаиндивидуумом и меритором блага Q . Очевидно, что для указанной пары игроков оно может быть только совместным и равным. Последнее утверждение требует пояснений.

II.2. Центральная лемма.

Начну с того, что в основе несводимого интереса U_S лежит не сам феномен потребления блага Q , а «ценностные суждения» по поводу уровня потребления данного блага. В этом случае наблюдаются два результата: наряду с удовольствием индивидуумов имеет место удовлетворенность их сообщества в целом общим уровнем потребления указанного блага. Иначе говоря, благо Q входит одновременно в обе функции полезности: мегаиндивидуума и меритора. Причем без потребления блага Q индивидуумами не может удовлетворяться интерес общества, и чем больше достается индивидуумам, тем в большей степени реализуется и общественный интерес. Указанные свойства, собственно, и превращают благо Q в общественный товар, который мегаиндивидуум и меритор потребляют только совместно и в равном количестве.

Общий вывод сформулирую в *Центральной лемме (II)*. Если индивидуумы из множества K имеют предпочтения U^1, U^2, \dots, U^K в отношении частного блага Q и их агрегированный посредством рыночных механизмов совокупный интерес $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^K)$ дополняет ценностное суждение U_S в отношении этого же блага, то само благо Q приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для всех индивидуумов из множества K , оно выступает в качестве общественного товара для пары носителей интересов $U_I(Q)$ и $U_S(Q)$.

Из этой леммы однозначно следует, что совокупный спрос определяется путем вертикального суммирования кривых спроса мегаиндивидуума и меритора, а Парето эффективное равновесие для данной пары игроков, имеющих персональные интересы в отношении общественного блага Q , реализуется в форме равновесия Линдаля. Подчеркну особо, что в равновесии Линдаля все участники потребляют общественное благо в равном количестве, но по разным ценам. Эти персонифицированные цены — «цены Линдаля», собственно, и выявляют неоднородность интересов мегаиндивиду-

ума и меритора. Я имею в виду лишь тот факт, что интерес меритора, сформированный на основе «ценностных суждений», не может вливаться в общий поток стандартного «горизонтального» суммирования индивидуальных предпочтений, выразителем которых является мегаиндивидуум³².

II.3. Принцип инверсии и равновесие Линдаля.

Сопоставляя «Чистую теорию общественных расходов», концепцию «Мериторных товаров»³³ и FS-модель с «Экономической социодинамикой», нетрудно заметить, что всем этим теоретическим построениям присущи равновесие Линдаля и использование процедуры вертикального суммирования кривых спроса. Данное наблюдение позволяет сформулировать общий принцип — социодинамическим *принципом инверсии*. Его смысл выражает *Лемма (III)*. Социальная опека любого частного блага, которое индивидуумы приобретали в разных количествах Q^i , но по единой цене p , порождает социальную мутацию этого блага и приводит к инверсии его равновесных цен и количества: мегаиндивидуум и меритор приобретают ставшее для них общественным благо в одинаковом количестве Q^m , но по разным ценам p_i .

В самом общем случае принцип инверсии устанавливает связь между *появлением* несводимого социального интереса в отношении частного блага и инверсией цен и количества данного блага при определении совокупного спроса на это благо, учитывающего как индивидуальные предпочтения, так и автономный интерес социума. При этом *инверсия цен и количество блага отражаются в инверсии стандартных условий равновесия*. Так, для частных товаров

32. Отмечу, что с позиций «Экономической социодинамики» не вполне корректными выглядят любые формы индивидуализации общественных предпочтений. Я имею в виду функции общественного благосостояния Абрама Бергсона (*Bergson (1938)*) и Джона Харсаньи (*Harsanyi (1955)*), а также уже цитированные работы Самуэльсона, Масгрейва и Марголиса. Несмотря на всю значимость этих блестящих исследований, выполненных выдающимися экономистами, подчеркну, что они не выходят за рамки постулата индивидуализма. В приведенных подходах все и всегда редуцируется исключительно к индивидуальным предпочтениям, которые в соответствии с базовым постулатом поглощают любой общественный интерес.

33. Отдельно нужно сказать о мериторике Масгрейва, описание которой традиционно обходит стороной тему равновесия. Между тем и эта концепция легко укладывается в общую схему равновесия Линдаля (*Экономика культуры (2005, с. 179-182)*).

и услуг предельные нормы замещения, как известно, равны между собой по всем индивидуумам и тождественны предельной норме трансформации; для благ, попавших под опеку меритора, условием равновесия становится тождественность нормы трансформации сумме предельных норм замещения для мегаиндивидуума и меритора.

Не случайно использован и термин «появление» применительно к социальному интересу. Этим я хотел подчеркнуть динамический характер данной категории. Действительно, в общем случае надо говорить о процессах возникновения и исчезновения социального интереса. Это следует из самой природы рассматриваемого феномена: всегда можно представить такие социально-экономические и политические условия и такие, вызванные этими условиями, ценностные суждения и целевые установки, когда их достижение потребует наделять социальной полезностью, то есть способностью удовлетворять соответствующий социальный интерес, любое конкретное благо. Подобная связь указывает на *историчность* и *эволюционный* характер несводимого социального интереса: отказ от прежних целевых установок и появление новых задач приводят к тому, что одни блага утрачивают способность удовлетворять общественные интересы, другие же, наоборот, ее приобретают (*Рубинштейн (2003, с. 62-74)*).

Принцип инверсии означает еще и то, что возникновение социального интереса изменяет конфигурацию равновесия — состав участников и его предельные условия. Так, выход на сцену меритора делает ненужными любые изыски искусственного выявления индивидуальных предпочтений применительно к публичному благу. Отсутствие интереса в данном благе со стороны индивидуумов, страдающих «болезнью фрирайдерства», признается истинным, и спрос на общественный товар предъявляет лишь меритор, который в меру своих ресурсов обеспечивает поставку этого блага для всех индивидуумов, никак не связывая указанное решение с адресными налоговыми взносами.

Модификацию равновесия под воздействием принципа инверсии можно наблюдать и в мериторике, и в FS-модели. Строго говоря, эти теоретические конструкции с позиций социодинамики почти идентичны, ибо эго-альтруистичные индивидуумы ведут себя, по сути, так же, как и субъекты мериторной экономики. Их отличие

состоит исключительно в природе формирования интересов мегаиндивидуума, что никак не влияет на появление интересов меритора. Похожи эти теоретические построения и на условия «Чистой теории общественных расходов», с той лишь разницей, что в мериторике и FS-модели мегаиндивидуум предъявляет ненулевой спрос.

Для иллюстрации агрегированной кривой совокупного спроса, учитывающей предпочтения мегаиндивидуума и меритора, имеет смысл рассмотреть

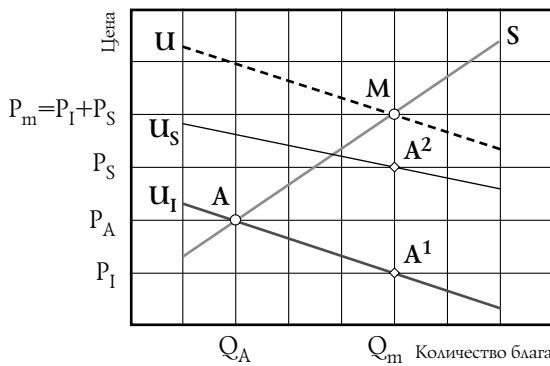

рисунок. Понятно, что равновесие Линдаля реализуется в точке **М**, где пересекаются кривые предложения **S** и совокупного спроса **U**. В этой точке и мегаиндивидуум, и меритор потребляют одинаковое количество блага Q_m по цене P_m , равной сумме персонифицированных цен P_I и P_S . При этом мегаиндивидуум предъявляет спрос на благо

Q в объеме $P_I Q_m$, а меритор — в объеме $P_S Q_m$. Иначе говоря: $S(Q_m) = P_I Q_m + P_S Q_m$.

Проинтерпретирую и сами «цены Линдаля». Напомню, что в трактовке самого Линдаля речь идет о совокупности граждан, предъявляющих спрос на одинаковое количество общественного блага посредством заданного распределения общего налогового бремени D . При этом налоговые доли D^1, D^2, \dots, D^H , собственно, и выполняют функцию цен равновесия. В предложенной же конструкции, где благо Q одновременно выступает как частное благо и как общественный товар (*центральная лемма*), цены Линдаля имеют иную и, главное, различную природу. В основе персонифицированной цены мегаиндивидуума (P_I) лежит предельная индивидуальная полезность частного блага Q ; цена, оплачиваемая меритором (P_S), также соответствует предельной, но уже социальной полезности общественного блага Q и отражает ту часть бюджетных ресурсов меритора, которая расходуется на реализацию социального интереса U_S .

Сформулирую и здесь общий вывод в виде *Леммы (IV)*. В обобщенной версии равновесия с учетом того, что на рынке одновременно оперируют индивидуальные субъекты с присущими им предпочтениями U^1, U^2, \dots, U^K и действующая от лица общества некоммерческая организация, стремящаяся реализовать выявляемые политической системой общественные предпочтения U_s , равновесие достигается лишь тогда, когда предельные издержки уравниваются «линдалевой суммой»³⁴ предельной индивидуальной и предельной социальной полезности блага.

34. С уважением перед первооткрывателем равновесия для общественных товаров и в знак признания заслуг Эрика Линдаля я посчитал возможным именно так определить суммирование предельных полезностей.

III

Расширенная версия Самуэльсон условий

Наверное, нетрудно заметить, что с позиций экономической социодинамики условия равновесия для общественных и мериторных товаров отличаются лишь величиной спроса индивидуумов. В одном случае из-за «болезни фрирайдерства» он равен нулю, в другом — спрос мегаиндивидуума отличен от нуля. Поэтому и социальный интерес меритора в двух этих ситуациях различен.

В случае общественных товаров речь идет о полном обеспечении поставки этого блага, в случае мериторных товаров — лишь об увеличении (уменьшении) объема их производства. При этом существующая теория общественных благ с ее несогласованными дефинициями не всегда дает возможность установить, какие товары и услуги действительно страдают «болезнью фрирайдерства», а какие не подвержены этому недугу. Я имею в виду не только известную теорему Коуза, но и многочисленные трудности, обусловленные неоправданно широкими границами самого понятия общественных благ. Поэтому в данной части доклада я намереваюсь обосновать иную классификацию товаров и с ее учетом предложить свою версию предельных условий равновесия.

III.1. О дефинициях общественных благ.

Анализ специальной литературы свидетельствует о наличии двух подходов к общественным товарам. В строгом варианте к ним относят лишь те блага, которые имеют два особых свойства,

в расширительной версии — все множество товаров и услуг, производимых в публичном секторе экономики (*Delbaes (1993)*). При этом сам общественный сектор определяется часто как «совокупность ресурсов, находящихся в непосредственном распоряжении государства» (Отв. ред. *Рекитар, Демидова (2001, с. 19)*). Иначе говоря, по второму варианту к общественным благам причисляют все блага, для производства которых привлекаются бюджетные средства. Кроме того, в расширительной версии общественные товары могут проявлять лишь одно свойство. Так, по мнению Мансура Олсона, каждое из двух свойств является существенным, но необязательным, а их различные комбинации покрывают все типы рыночных провалов и государственного вмешательства (*Olson (1986, p. 120)*).

Рассматривая общественные товары и услуги в динамике, можно обнаружить, что некоторые из них под влиянием научного, технического и технологического прогресса, а также развития институциональной среды способны в процессе эволюции утрачивать свойство неисключаемости, сохраняя при этом свойство несоперничества. Другие же демонстрируют и более радикальные возможности эволюции, обусловленные потерей сразу двух свойств общественного товара. Исследования показали, что и в первом, и во втором случаях результат одинаковый: утрата одного или обоих свойств трансформирует общественное благо в пучок частных товаров и услуг (*Рубинштейн (2003)*).

Есть и другая точка зрения. Полагая, что указанные свойства могут проявляться с разной степенью интенсивности (*Якобсон (1996, с. 40)*) и четкой границы между частными и общественными товарами нет, некоторые экономисты допускают компромиссную возможность существования промежуточных видов благ. Так, кроме *чисто общественных благ*, «удовлетворяющих обоим условиям» (*Стиглиц (1997, с. 124)*), или в иной версии, когда «оба свойства присущи в высокой степени» (*Якобсон (2000, с. 41)*), в литературе встречаются и всякого рода «смысловые кентавры»: *квазиобщественные товары*, которые «хотя бы отчасти носят общественный характер» (*Блауг (1994, с. 550)*); *смешанные общественные товары*, когда «хотя бы одно из свойств выражено в умеренной степени» (*Якобсон (1996, с. 42)*). К сожалению, о строгости этих определений можно говорить лишь «в умеренной степени» и, наверное, только «отчасти»³⁵.

В целом же вся совокупность общественных товаров представляет собою достаточно размытое понятие, страдающее неопределенностью и порождающее столь широкие и неоднозначные трактовки, что демаркация границ, отделяющих общественные блага от обычных товаров, становится почти нереальной. Такое положение дел, собственно, и определило мою мотивацию построения специальной типологии товаров и услуг, в которой общественные блага занимали бы свое законное место, соответствующее их строгой дефиниции — наличие свойств неисключаемости и несоперничества. При этом все пограничные группы товаров и услуг, необоснованно причисляемые к общественным благам, я связываю с другими свойствами. Речь идет о социальной полезности товаров и услуг, точнее о наличии или отсутствии способности блага удовлетворять несводимые потребности социума.

III.2. Социальная типология благ.

Для удобства последующего изложения имеет смысл ввести ряд дополнительных определений. Нетрудно заметить, в частности, что в предыдущих размышлениях были использованы, если можно так выразиться, характеристики «отрицания» — неисключаемость, несоперничество, несводимость. Теперь же две «негативные» характеристики общественного блага я хотел бы объединить в одном «позитивном» свойстве *коммунальности*, понимая под ним одновременное проявление неисключаемости и несоперничества в потреблении (*Кирдина (2000, с. 39), Рубинштейн (2005, 54)*). При этом феномен несводимости потребностей, наоборот, можно разделить на два позитивных свойства: *социальная полезность* для товаров и услуг, обладающих способностью удовлетворять несводимые потребности, и *индивидуальная полезность* для благ, не имеющих этой способности. Теперь для построения искомой типологии достаточно проанализировать все возможные комбинации трех фундаментальных свойств: индивидуальной полезности, свойства ком-

35. В подтверждение этого вывода процитирую работу Блюмеля, Петига и Хагена. «В ряде терминов, которые раньше заменяли, соответствовали или отличали термин *общественные блага*, наблюдается «инфляция», в результате чего не только на одни и те же явления навешивают разные бирки, но и один и тот же термин используется для разных явлений» (*Blümel, Petbig, Hagen (1986, P. 244)*). Аналогичной точки зрения придерживается Шамански (*Shamanske (1991, P. 4)*).

III

Расширенная версия Самуэльсон условий

мунальности и социальной полезности благ. Результаты такого комбинаторного перебора представлены в следующей таблице (Таб. 2)

Таблица 2. Социальная типология благ

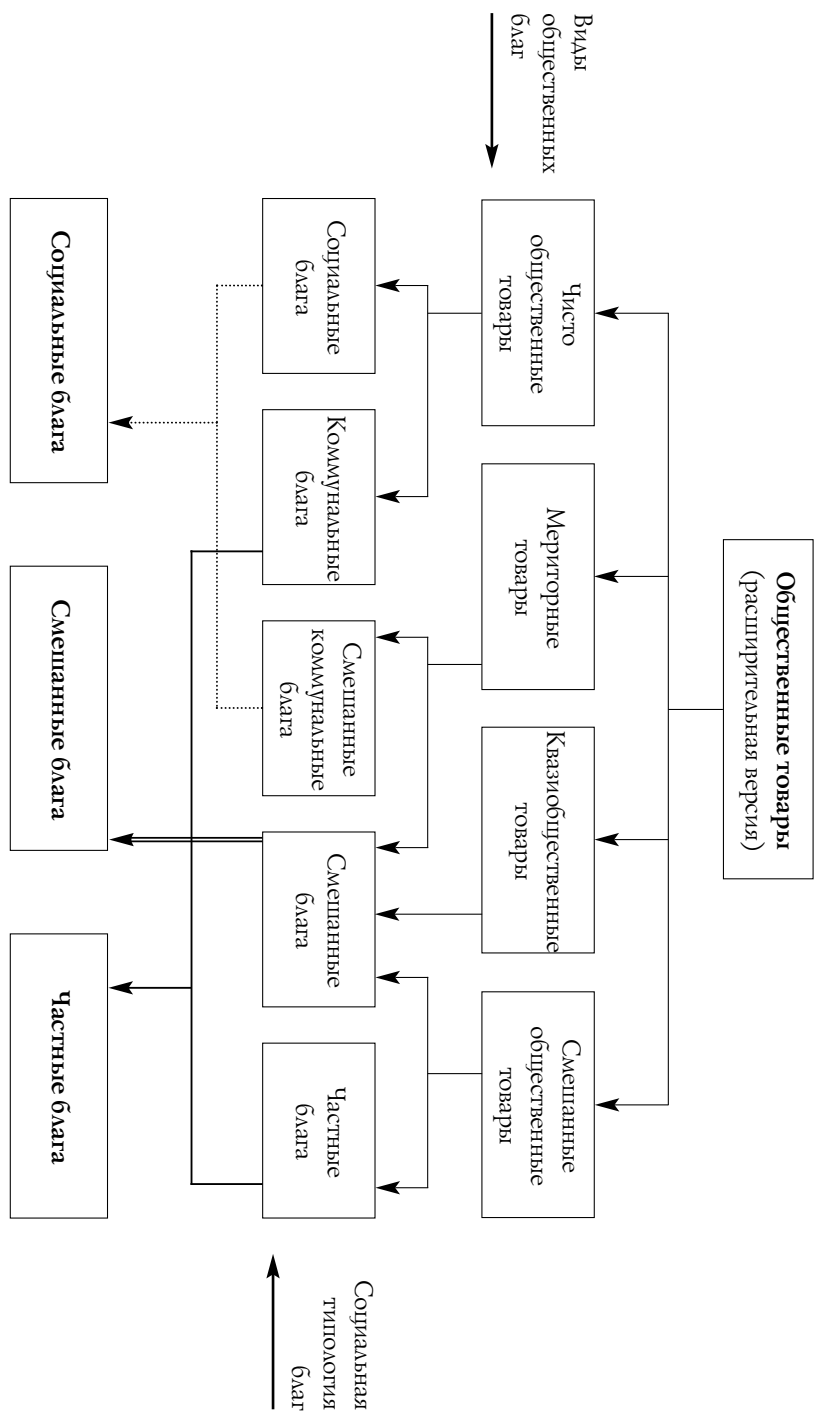
№	Группы	Индивидуальная полезность	Коммунальность в потреблении	Социальная полезность
Сочетание из трех по одному				
1	Частное благо	Индивидуальная полезность		
	Отсутствует		Коммунальность в потреблении	
2	Социальное благо			Социальная полезность
Сочетание из трех по два				
3	Коммунальное благо	Индивидуальная полезность	Коммунальность в потреблении	
	Отсутствует		Коммунальность в потреблении	
4	Смешанное благо	Индивидуальная полезность		Социальная полезность
Сочетание из трех по три				
5	Смешанное коммунальное благо	Индивидуальная полезность	Коммунальность в потреблении	Социальная полезность

Опираясь на приведенную выше таблицу и содержательную интерпретацию допустимых³⁶ комбинаций анализируемых социальных свойств, можно сформулировать следующий принци-

36. Свойство коммунальности (неисключаемость и несоперничество в потреблении) имеет место лишь в том случае, если товар или услуга потребляются отдельными индивидуумами. Поэтому ясно, что среди множества товаров и услуг не существует благ, проявляющих свойство коммунальности без индивидуальной полезности (вторая и пятая комбинации в Таб. 2).

Расширенная версия Самуэльсон условий

СХЕМА СОПРЯЖЕННОСТИ ТОВАРОВ И УСАЛУТ

пиальный вывод. Пять непересекающихся групп — *частные, смешанные, коммунальные, смешанные коммунальные и социальные блага* — полностью покрывают весь мир товаров и услуг, и в каждый момент времени всякое благо принадлежит только одной из этих групп. Не углубляясь в природу данной типологии, отмечу два вытекающих из нее следствия.

Во-первых, пять групп товаров и услуг можно для целей настоящего анализа свести к трем непересекающимся типам благ — частным, смешанным и социальным благам. Подобное укрупнение типологии оправдано тем, что в предложенной модели свойство коммунальности само по себе не оказывает влияния на условия равновесия. Дело в том, что «фрирайдерство» не является достаточным условием для общественной поддержки коммунальных благ. Их частная «судьба» зависит от возможностей индивидуализации этих благ (по Коузу) либо от альтруистического поведения индивидуумов (по Марголису). И лишь попадая под общественную опеку и приобретая социальную полезность, коммунальные блага начинают жить «общественной жизнью» и переходят в группу смешанных коммунальных благ (*Рубинштейн (2003, с. 79-93)*), где «болезнь фрирайдерства» заставляет государство брать на себя их поставку. В этом смысле смешанные коммунальные блага не отличаются от социальных благ. Поэтому без ограничения общности анализа можно частные и коммунальные блага объединить в одной группе частных благ, а смешанные коммунальные и социальные блага — в группе социальных благ.

Во-вторых, построенная типология товаров и услуг позволяет установить конкретные связи между видами благ, соответствующих расширительной версии общественных товаров, и группами благ, представленных их социальной классификацией. Такого рода связи, а также объединение в укрупненные группы частных и коммунальных благ, смешанных коммунальных и социальных благ демонстрирует приведенная выше схема.

III.3. Условия равновесия и социальный оптимум.

Перейду теперь к завершающему сюжету доклада. Речь идет о возможном расширении модели Самуэльсона, предложенной им в «Чистой теории общественных расходов». Я имею в виду такую ее модификацию, которая обусловлена заменой методологического

индивидуализма принципом комплементарности полезностей и включением в эту модель социальных предпочтений, существующих наряду с индивидуальными предпочтениями.

В соответствии с предложенной типологией я буду исходить из того, что в рыночном обмене участвуют три категории благ: частные — обладающие индивидуальной полезностью, смешанные — обладающие индивидуальной и социальной полезностью одновременно, и социальные — обладающие только социальной полезностью. С учетом этого введу формальные обозначения. Пусть X — это набор обычных частных потребительских благ, которые подлежат распределению между индивидуумами: $X = X^1 + \dots + X^n$. Пусть Y обозначает набор смешанных потребительских благ, которые также подлежат распределению между теми же индивидуумами: $Y = Y^1 + \dots + Y^n$. И, наконец, символом Z обозначу набор социальных благ, которые потребляет исключительно «Меритор»: $Z = Z^m$.

Теперь о предпосылках модели. *Во-первых*, я предполагаю, что каждый i -й индивидуум имеет согласованную систему порядковых предпочтений в отношении потребления частных и смешанных благ (i), выраженных соответствующей функцией индивидуальной полезности $U^i = U^i(X^i, Y^i)$. *Во-вторых*, я допускаю, что и меритор имеет свою систему предпочтений, но уже в отношении потребления смешанных и социальных благ (ii), выраженных функцией социальной полезности $U^S = U^S(Y, Z)$. При этом, как и Самуэльсон, я предполагаю, что указанные функции U^i и U^m отвечают требованиям гладкости, выпуклости вверх, дифференцируемости и неубываемости. *В-третьих*, я исхожу из того, что «правила игры» заданы (iii), включая институты, определяющие налоговые доходы и общий порядок формирования государственного бюджета. *В-четвертых*, заданной считается система приоритетов, устанавливающая бюджетные ограничения для несводимых интересов общества (iv). *В-пятых*, необходимо, предусмотреть наличие функции производственных возможностей (v), относящейся к совокупному выпуску всех частных, смешанных и социальных благ $F(X, Y, Z) = 0$. Данная функция также должна быть постоянно выпуклой и гладкой.

Введу еще несколько обозначений: $F_x = \partial F / \partial X$; $F_y = \partial F / \partial Y$; $F_z = \partial F / \partial Z$; $U_{X^i}^i = \partial U^i / \partial X^i$; $U_{Y^i}^i = \partial U^i / \partial Y^i$; $U_Y^S = \partial U^S / \partial Y$; $U_Z^S = \partial U^S / \partial Z$; λ — множитель Лагранжа. Пользуясь этими обозначениями можно

определить максимизирующие условия для функций индивидуальных полезностей:

$$U_{X_i}^i - \lambda F_x = 0 \quad (a) \qquad U_{Y_i}^i - \lambda F_Y = 0 \quad (b)$$

Проделав стандартные преобразования и разделив равенство (b) на равенство (a), нетрудно теперь получить формальное выражение условий первого порядка для функций индивидуальных полезностей:

$$U_{Y_i}^i / U_{X_i}^i = F_Y / F_x \quad (1)$$

Приведенное тождество фактически идентично равенству (1) в «Чистой теории общественных расходов» (*Samuelson, (1954, P. 388)*) и может быть интерпретировано в терминах норм замещения и норм трансформации. В условиях равновесия предельная норма замещения частного блага смешанным должна равняться для каждого индивидуума предельной норме трансформации частного блага в смешанное в сфере их производства:

$$MRS_{YX}^i = MRT_{YX} \quad (1^1)$$

Следует обратить внимание еще на один аспект условия (1). В очередной раз цитируя Самуэльсона, подчеркну особо — «в отдельности (1) показывает то подмножество отношений, которое определяет Парето оптимальную границу полезности...» (*Samuelson, (1954, P. 388)*). Для определения же социального оптимума, то есть для выбора из множества Парето оптимальных решений точки «лучшего состояния мира», Самуэльсон добавляет еще два условия, связанных с введением в модель общественных товаров (2) и функции общественного благосостояния бергсоновского типа, отражающей «набор порядковых межличностных норм» (3). В моей конструкции общественные блага в их строгой части (чистые общественные блага) входят в группу социальных благ, а условие (3), требующее межличностных сравнений индивидуальной полезности и обеспечивающее социальный оптимум, замещается оптимизацией функции социальной полезности U^S . Выпишу в связи с этим условия первого порядка для функции полезности меритора:

$$U_Y^S - \lambda F_Y = 0 \quad (c) \qquad U_Z^S - \lambda F_Z = 0 \quad (d)$$

После простых преобразований и вычисления частного от деления равенства (с) на равенство (d) формальное выражение условий первого порядка в отношении функции социальной полезности принимает следующий вид:

$$U_Y^S / U_Z^S = F_Y / F_Z \quad (2)$$

В содержательном плане условие (2), являющееся условием социального оптимума, может быть также сформулировано в терминах норм замещения и норм трансформации: социальный оптимум в условиях равновесия достигается тогда, когда предельная норма замещения смешанного блага социальным тождественна предельной норме трансформации смешанного блага в социальное в сфере их производства:

$$MRS_{YZ}^S = MRT_{YZ} \quad (2^1)$$

Суммируя сказанное выше, можно сформулировать и общий вывод. В точке социального оптимума предельная норма замещения смешанного блага частным тождественна для каждого индивидуума предельной норме трансформации смешанного блага в частное в сфере их производства и одновременно предельная норма замещения смешанного блага социальным тождественна предельной норме трансформации смешанного блага в социальное в сфере их производства:

$$MRS_{YX}^i = MRT_{YX} \quad (1^1) \quad MRS_{YZ}^S = MRT_{YZ} \quad (2^1)$$

Говоря о социальном оптимуме, надо иметь в виду, что данная категория, как и в «Чистой теории общественных расходов» Самуэльсона, обусловлена нормативными представлениями о «лучшем состоянии мира». Это непосредственно вытекает из содержания функции социальной полезности, устанавливающей в соответствии с исходными предпосылками (ii) порядковые соотношения или иерархию для всей совокупности несводимых интересов. В этом случае потребность в услугах самуэльсоновского «эксперта по этике» сохраняется. Но в отличие от Самуэльсона, опиравшегося на бергсоновскую традицию, в моем представлении «эксперту по этике» надлежит заниматься не межличностными сравнениями полезности, а сопоставлением интересов общества как такового, то есть выработ-

кой соответствующей весовой функции для всех смешанных и социальных благ, входящих в функцию социальной полезности меритора.

III.4. Две ветви социальной динамики.

После выхода в свет первого издания уже упоминавшейся монографии «Экономическая социодинамика» и с учетом последующих обсуждений основных положений данной концепции³⁷ мне пришлось уточнить категорию интереса общества как такового, его природу и принципиальное отличие от тех общественных предпочтений, которые формируются в рыночной среде. В связи с этим надо подчеркнуть, что два предельных условия «социального оптимума» (1¹) и (2¹), выведенные для социодинамической версии «чистой теории общественных расходов», полностью соответствуют моим нынешним представлениям и охватывают два одновременно существующих параллельных процесса, две ветви формирования несводимых друг к другу общественных интересов.

Причем речь здесь идет о процессе формирования потребностей общества, а не о персонифицированном субъекте, принимающем «государственные решения». Важной особенностью этого процесса является мера и форма участия индивидуумов в принятии решений от имени общества. При этом многие экономисты, исследующие проблемы социального выбора и в целом общественные процессы, придерживаются вполне традиционного предположения о том, что в функции полезности *каждого индивидуума* «входят наряду с рыночными благами многообразные параметры, отражающие состояние общества в различных областях» (Некипелов (2006, с. 271))³⁸.

Мне же кажется более естественной альтернативная гипотеза: продолжая линию Смита, я исхожу из того, что у большинства людей нет никаких представлений об общем благе. Близки мне со-

37. Я имею в виду личные беседы с авторитетными отечественными и зарубежными экономистами (В. Лившиц, Д. Львов, В. Макаров, А. Некипелов, Н. Петраков, В. Полтерович, С. Брамс, М. Интрилигейтор, Д. Кво, Р. Масгрейв, К. Эрроу), состоявшиеся в течение 2000—2006 гг.

38. Наиболее определенно эта гипотеза была сформулирована Кеннетом Эрроу: «... принимается, что каждый индивидуум имеет порядок предпочтений на всех возможных состояниях социума. Этот порядок выражает не только его пожелания, касающиеся собственного потребления, но и его социальные установки, его взгляды на справедливость в распределении или на блага, получаемые другими индивидуумами на основании коллективных решений» (Эрроу (2005, с. 78)).

мнения Аматы Сена по поводу возможности адекватного отражения общественного интереса в индивидуальных функциях полезности (Сен (2005, с. 257)), частично согласен я и с А. Некипеловым, который, комментируя Сена, делает вывод о том, что «существует, по всей видимости, какая-то особая порода людей, которая только и может правильно оценивать подлинные потребности не входящих в ее состав индивидуумов» (Некипелов (2006, с. 253)). Не знаю, имеет ли смысл рассматривать какую-то «особую породу людей», но уверен: в процессе формирования интересов, генерируемых политической системой, участвует лишь небольшое подмножество индивидуумов, случайная выборка которых далеко не всегда бывает репрезентативной³⁹.

Рассматривая обе ветви формирования общественных интересов, следует подчеркнуть, что исследователи чаще всего пользуются стандартными представлениями, согласно которым имеет место феномен *различного поведения индивидуумов в отношении одного и того же события в двух институционально разных средах*. Как субъекты рынка, действуя рационально, они, например, могут не желать платить или платить не полностью за общественные или мериторные блага, а как члены общества и участники политического процесса — голосовать за производство этих же благ в полном объеме⁴⁰.

Разумеется, такая возможность не исключена. Более того, она соответствует традиционному объяснению государственной активности в случае общественных товаров. Другой вопрос, можно ли все варианты несводимых интересов свести к ситуации с общественными товарами⁴¹. Я склонен к отрицательному ответу и более

39. Я имею в виду лишь тот факт, что группа «выборных людей», которых по традиции буду называть парламентом, формируется в зависимости от действующего в той или иной стране избирательного законодательства. При этом существующая политическая практика свидетельствует, что критерии репрезентативности очень часто вовсе не принимаются во внимание.

40. Такая точка зрения, например, была высказана В. М. Полтеровичем в беседе с автором настоящего доклада. Близкую позицию занимает и А. Д. Некипелов. Он исходит из того, что в предпочтениях индивидуумов существует вторая часть, которую рыночные механизмы распознать не могут. Невидимые для рынка предпочтения способна, на его взгляд, «сканировать» политическая система (Некипелов (2006, с. 270-271)).

41. Существуют и такие намерения. Адепты расширительной версии общественных товаров считают, например, что различные комбинации их особых свойств покрывают все типы рыночных провалов и государственного вмешательства (Olson (1986, p. 120)). Известна и более радикальная оценка, когда к общественным благам относят все множество товаров и услуг, производимых в общественном секторе экономики (Delbaes (1993)).

того — готов утверждать обратное. Несводимые интересы общества мажорируют любые мотивы государственной активности, включая стремление «исправить» ошибки рынка и «разобраться» с общественными товарами (*Рубинштейн (2003, с. 11)*). Установить же взаимнооднозначное соответствие между несводимостью и публичными благами просто невозможно. Причем объясняется это не только соображениями строгости в применении дефиниций общественных товаров. Главное, что не устраивает меня здесь, так это сам подход к пониманию несводимых интересов исключительно через «двоемыслие» людей.

Полагаю, что существуют и такие интересы, генерируемые политической средой, в отношении которых у индивидуумов нет не то что двух разных оценок (рыночной и политической), но которые вообще не могут быть определены в терминах рыночных предпочтений. У подавляющего большинства людей подобные интересы вовсе отсутствуют. И лишь статистически незначимая часть общества — те, кого Платон называл «философами» (*Платон (1971, с. 275)*), Масгрейв относит к «информированной группе людей» (*Musgrave (1969, S. 16)*), а Шмидт — к «политикам» (*Schmidt (1988, S. 384)*), способны осознать эти интересы. Поэтому если и можно говорить об участии индивидуумов в формировании интересов, генерируемых политической системой, то очень опосредованно, имея в виду институты и механизмы передачи «в траст» мнения избирателей⁴². Возвращаясь же к стандартным представлениям, обслуживающим методологический индивидуализм, следует возразить: речь здесь идет не о различном поведении индивидуумов в отношении одного и того же события, а о *другом поведении в отношении другого события и, как правило, других людей*.

Поясню теперь, что я понимаю под «другими людьми», «другими событиями» и «другим поведением». Во-первых, я имею

42. Голосуя на выборах за ту или иную политическую партию, за того или иного кандидата, индивидуумы вместе со своим голосом передают им право выражать их мнение о том, какими должны быть общественные предпочтения. Подчеркну, что в этом трастовом (по Масгрейву) механизме реализуется, говоря шахматным языком, лишь «позиционное голосование», а не процедура «переноса» индивидуального выбора тех или иных состояний социума на групповой уровень. И лишь в ситуации замены трастового механизма на прямой референдум «позиционное голосование» может трансформироваться в общественный выбор.

в виду демократически устроенное общество⁴³ и его институты, включая парламент, члены которого на основе установленной процедуры определяют интересы общества и их текущие приоритеты. В соответствии с этим «другими людьми» является то небольшое количество выбранных индивидуумов, кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благе. Понятно, что разговор о совпадении двух множеств индивидуумов, действующих в рыночной и политической средах, возможен лишь при замене парламентской процедуры референдумом. С учетом же того, что сам по себе референдум является достаточно редким исключением из стандартной гражданской практики, я вправе считать, что в текущем политическом процессе формирования общественных интересов участвуют, как правило, «*другие люди*».

Во-вторых, если в рыночной среде индивидуум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций своей собственной выгоды, то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с благосостоянием общества в целом. И в этом смысле речь действительно идет о «*других событиях*». Например, если в рыночной среде индивидуум решает вопрос о том, пойти ему в театр или купить яблоки, то в политической среде перед «*другими людьми*» встает иная альтернатива: надо ли поддержать приобщение граждан к театральному искусству или для общества важнее потребление населением фруктов. Понятно, что идентичность указанных альтернатив возможна лишь в случае проведения всенародных референдумов в отношении потребления каждого блага. Поэтому и здесь я вправе считать, что в политическом процессе формирования общественных интересов рассматриваются, как правило, «*другие события*».

В-третьих, я говорю о «*другом поведении*», потому что «*другие люди*» в своих предпочтениях от имени общества руководствуются не личными, а общественными средствами. И сколько бы

43. В предисловии к изданию англоязычного перевода книги Кнута Вискселя «Исследование по теории финансов» Джеймс Бьюкенен призвал «коллег-экономистов сначала построить какую-либо модель государственного или политического устройства, а уже потом приступить к анализу результатов государственной деятельности». Посчитав данный призыв очень важным, Бьюкенен напомнил о нем в своей Нобелевской лекции (*Бьюкенен (1997, с. 18)*). Следуя данной методологической установке и для целей анализа формирования общественных интересов, я рассматриваю достаточно простую модель парламентской демократии.

ни говорить о возможной самоидентификации «выбранных людей» с обществом, от имени которого они принимают решения, все равно это не то же самое, когда за потребляемое благо индивидуум расплачивается собственными средствами. Мало что добавляет здесь и соображение о налоговой природе общественных ресурсов, указывающее на их связь с индивидуальными средствами. Данный факт не отменяет различного отношения парламентских людей к собственным и общественным средствам. На возможность более низкой оценки полезности общественных ресурсов для выборных людей по отношению к их собственным средствам указывают многие исследования⁴⁴. В этом смысле даже референдум не может исправить «генетический порок» общественных средств, что во многом и обуславливает феномен «другого поведения».

Продемонстрировав «другое поведение» «других людей», я стремился показать, что в социодинамической модели с двумя ветвями формирования общественных интересов нет места двойственности предпочтений одних и тех же индивидуумов. Речь идет о двух принципиально разных интересах общества, выявляемых рыночной и политической средой. Собственно, в этом и проявляется их несводимость друг к другу.

Для получения формального выражения несводимости введу дополнительные обозначения. В соответствии с рыночной I и политической S ветвями формирования общественных интересов можно выделить, как уже отмечалось, два класса функций. Допустим, что у каждого индивидуума i из совокупности N есть своя функция предпочтений $U^i(G)$, заданная на множестве событий G . Тогда совокупный интерес U^I , сформированный в рыночной среде, можно представить в виде некоего агрегата индивидуальных предпочтений: $U^I = f[(U^1(G), U^2(G), \dots, U^K(G))]$.

44. Кроме важной работы Анны Крюгер (*Kreuger (1974, P. 291-301)*), назову также известные публикации Дж. Бьюкенена, А. Нисканена, М. Олсона, Г. Таллока. К этому добавлю, что в последние годы большинство публикаций, затрагивающих проблемы общественного выбора и вопросы функционирования государства, переполнены упоминаниями об «ошибках государства», о «рентоизирующем классе», «политическом доходе», «бюрократической ренте», «логроллинге» и т. п.

Допустим теперь, что на том же множестве индивидуумов \mathbf{N} задана избирательная система $W(\mathbf{N})$, определяющая подмножество индивидуумов \mathbf{D} , совокупность которых образует «парламентскую группу» людей: $W^1(\mathbf{N}), W^2(\mathbf{N}), \dots, W^P(\mathbf{N})$ и у каждого парламентария $W^j(\mathbf{N})$ есть своя функция предпочтений $U_{W^j}(\mathbf{G}')$, заданная на множестве событий \mathbf{G}' . В этом случае интерес \mathbf{U}^S , сформированный в политической среде, можно также представить в виде агрегата $\mathbf{U}^S = F[U_{W^1}(\mathbf{G}'), U_{W^2}(\mathbf{G}'), \dots, U_{W^P}(\mathbf{G}')]$. Теперь появляется возможность выписать формальное условие несводимости: общественный интерес является несводимым к индивидуальным предпочтениям, если не существует такой функции Z , которая бы удовлетворяла равенству:

$$\mathbf{U}^S = F[U_{W^1}(\mathbf{G}'), U_{W^2}(\mathbf{G}'), \dots, U_{W^P}(\mathbf{G}')] = Z\{f[U^1(\mathbf{G}), U^2(\mathbf{G}), \dots, U^K(\mathbf{G})]\}$$

Подчеркну главное. Как бы ни рассматривать политическую ветвь формирования общественных интересов, обуславливая или не обуславливая ее существование феноменом «различного поведения людей», ясно одно: генерируемые в политической среде интересы не всегда могут быть сведены к предпочтениям индивидуумов, выявляемым рыночными механизмами. Это ключевое положение экономической социодинамики.

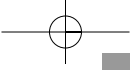

Добавлю еще одну важную деталь. В социодинамической модели исчезают обычные трудности определения равновесных цен Линдаля. Повторю еще раз, что вклад индивидуумов в производство публичного блага будет нулевым, а уровень общественных расходов определяется исходя из имеющихся у государства возможностей. При этом решение задачи определения величины общественных расходов и объема производства самого блага основывается на исходно заданных ресурсных условиях и системе приоритетов, устанавливающих порядковые соотношения для всей совокупности несводимых интересов общества⁴⁵.

45. Говоря о ресурсах, я имею в виду бюджет государства, то есть те налоговые поступления и другие доходы, которые получает государство в соответствии с действующими «правилами игры» (iii), и те расходы, которые предназначены на реализацию конкретных социальных интересов в соответствии с установленными приоритетами (iv).

Вместо заключения

Важным условием социального оптимума в трактовке экономической социодинамики является взаимный суверенитет интересов, которые формируются в институционально разных средах. Подчеркну специально: не подчинение индивидуальных предпочтений интересам общества в целом (органическая концепция), не игнорирование социальных интересов в угоду индивидуальным предпочтениям (либеральный фундаментализм), а именно гармонизация интересов на условиях Парето оптимальных решений. В этом видится мне главный смысл понятия «смешанная экономика», в границах которой совокупный спрос включает в себя как индивидуальные предпочтения, так и несводимые к ним групповые предпочтения⁴⁶.

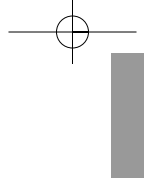
46. Термин «смешанная экономика» ввел в научный оборот Людвиг фон Мизес, который использовал это понятие исключительно в критическом смысле: нежизнеспособности объединения рыночного хозяйства и плановой экономики (*Mises (1927)*). Современная теория по-другому оценивает возможности «смешанной экономики» и основывается на известной дефиниции Самуэльсона: «смешанная экономика — преобладающая форма экономической организации в некоммунистических странах. В смешанной экономике хозяйственная организация базируется в первую очередь на ценовой системе, однако при этом для преодоления макроэкономической нестабильности и несовершенства рынка используются разнообразные формы государственного вмешательства» (*Самуэльсон, Нордхаус (1997, с.794)*). Отмечу, что по данной теме существует весьма обширная литература. В качестве примера назову ряд зарубежных публикаций (*Ikeda (1997)*, *Reisman (2005)*), и несколько работ российских экономистов: две коллективные монографии (*Зельднер, Ваславская (1991, 2006)*) и ряд статей в журнале «Вопросы экономики»: *А.Никифоров — «Смешанное общество: возможности и трудности развития в России»; В.Маевский — «Становление смешанной экономики: макроэкономические аспекты»; С.Хавина — «Многообразие типов смешанной экономики за рубежом» («Вопросы экономики» (1993, N1))*. Подчеркну, что в условиях смешанной экономики меняется роль государства. Приведу в связи с этим следующую цитату: «Экономическая роль государства все больше проявляет себя как выражение общественных интересов, а потому дальнейшее развитие рыночной экономики в значительной мере становится зависимым не столько от удовлетворения частных интересов, сколько от оптимального для каждого отрезка времени сочетания общественных и частных интересов» (*Пороховский (2001)*). Указанная особенность «смешанной экономики» наиболее близко подходит к моим собственным представлениям, о которых я уже писал выше.

Вместо заключения

Такое понимание смешанной экономики обуславливает дальнейшую исследовательскую программу. Речь идет об анализе кривых безразличия применительно к интересам общества как такового, о структурировании этих интересов и изучении их эволюции, о предвидении изменений в мире товаров и услуг, о закономерностях их перехода из одной группы в другую, о социодинамических циклах и, наконец, о возможностях применения данного подхода к теоретическим и практическим проблемам социального сектора. Некоторые из указанных тем уже стали предметом исследования (Гринберг, Рубинштейн (2000), Рубинштейн (2003), Рубинштейн (2004), Grinberg, Rubinstein (2005), Рубинштейн (2006)), большинство же еще ждут своего часа. Доминантой же всей исследовательской программы является создание общей теории смешанной экономики. В связи с этим выделяю три направления исследований.

Во-первых, исходя из того, что в социодинамической модели присутствует политическая ветвь, генерирующая интересы, не выявляемые рыночными механизмами, возникает проблема их изучения и научного описания. При этом политическая ветвь — это не просто теоретическая абстракция, а вполне реальный и, главное, наблюдаемый процесс, обслуживаемый институтами общества. В нем принимают участие отдельные пассионарии индивидуумы раньше других обнаруживающие «болевы точки» социума; средства массовой информации, общественные движения и партии, служащие «институциональным лифтом» для интересов, еще не получивших широкого распространения; представительные органы разных уровней, которые в конечном итоге формулируют целевые установки, в той или иной мере соответствующие общественным ожиданиям. Именно данный процесс я рассматриваю в качестве основного механизма формирования интересов общества как такового, соответствующего политической ветви социодинамики. Исследование этого процесса с использованием современного инструментария теории общественного выбора, политологии, социологии, социальной психологии и новой политэкономии представляется мне не только необходимым, но и важнейшим элементом создаваемой теории смешанной экономики.

Во-вторых, по-прежнему исключительно важной остается проблематика общего равновесия, специфика которого в условиях

Вместо заключения

смешанной экономики также обусловлена наличием двух ветвей формирования общественных интересов. Формируемые по разным законам и в различной институциональной среде, эти интересы вступают в состязательное взаимодействие на стадии их реализации — в «борьбе» за ограниченные ресурсы. Я исхожу из того, что ключевым объектом исследования и в данном случае остается распределение ресурсов, теория которого хотя и лежит в ядре экономического мировоззрения, но не покрывает всей проблематики рыночных отношений. Возможным расширением этого подхода может стать обращение к эволюционной экономике и теории институциональных изменений, которые, как мне кажется, должны войти в фундамент общей теории смешанной экономики.

В-третьих, особое место в исследовательской программе принадлежит изучению общественного сектора экономики и разработке специальных экономических теорий культурной, научной и образовательной деятельности, а также здравоохранения и социального обеспечения, продукты которых обладают социальной полезностью. Общим для них является условие экономического равновесия: расходы производителей покрываются доходами от индивидуальной платы и соответствующими бюджетными ассигнованиями. В связи с этим центральное место в указанных теориях занимает проблема бюджетного финансирования общественного сектора, определение социально целесообразного объема государственных расходов и эффективных механизмов поддержки организаций культуры, науки, образования, здравоохранения и социального обеспечения. И здесь дополнение традиционных подходов современными методами экономического анализа, основанными на статистических исследованиях, межстрановых сопоставлениях и эконометрике, может существенно расширить исследовательский арсенал и дать принципиально новые результаты.

Литература

- Аткинсон Э. Б., Стиглиц Дж. Е. Лекции по экономической теории государственного сектора. — М., 1995.
- Благ М. Методология экономической науки. М., 2004.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М., 1994.
- Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. — М., 1997.
- Государство в условиях формирования смешанной экономики / Науч. ред. А. Г. Зельднер, И. Ю. Ваславская — М., 2001.
- Государство и отрасли инфраструктуры в современной рыночной экономике / Отв. ред. Я. А. Рекитар, Л. С. Демидова. — М., 2001.
- Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Социальная экономика: введение в новую аксиоматику // Российский экономический журнал. 1997. №1.
- Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Проблемы общей теории социальной экономики // Экономическая наука современной России. 1998. №2.
- Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Социальная рента в контексте теории рационального поведения государства // Российский экономический журнал. 1998. №3.
- Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Экономическая социодинамика. — М., 2000.
- Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. — М., 2000.
- Макаров В. Л., Рубинов А. М. Математическая теория экономической динамики и равновесия. — М., 1973
- Некипелов А. Д. К вопросу о природе социального выбора (доклад на Секции экономики РАН, 14 марта 2006 г.). — М., 2006.
- Некипелов А. Д. Становление и функционирование экономических институтов. — М., 2006.
- Немчинов В. М. Смешанная экономика: проблемы управления развитием. — М., 1994.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики — М., 1997
- Платон. Государство // Соч.: В 3 т. М., 1971.
- Полтерович В. М. Экономическое равновесие и хозяйственный механизм. — М., 1990.
- Поппер К. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы // Открытое общество и его враги. — М., 1992.

Литература

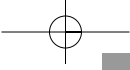

- Пороховский А. А.** Эпоха смешанной экономики / Политэкономика №11(70). 26 июня 2001 г.
- Рубинштейн А. Я.** Структура и эволюция социального интереса. — М., 2003.
- Рубинштейн А. Я.** Экономика социального сектора: проблемы теории // Экономическая наука современной России. № 1(28). 2005.
- Самуэльсон П., Нордхаус В.** Экономика. — М., 1997.
- Самуэльсон П. А.** Основания экономического анализа. — С.-Петербург, 2002.
- Сен А.** Возможность общественного выбора. Нобелевская лекция. 8 декабря 1998 г. // Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов по экономике. Современная экономика и право. — М., 2005.
- Стиглиц Дж. Е.** Экономика государственного сектора. — М., 1997.
- Трансформация роли государства в условиях смешанной экономики / Отв. ред. А. Г. Зельднер, И. Ю. Ваславская. — М., 2006.
- Хайек А. Ф.** Общество свободных. London, Overseas Publ. Interchange, 1990.
- Хайбронер Р. А.** Экономическая теория как универсальная наука. THESIS 1, 1993.
- Хиршман А. О.** Интересы // Экономическая теория (Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена). — М., 2004.
- Шабанова М. А.** Социоэкономика: от парадигмы к новой науке // Общественные науки и современность. 2006. № 1.
- Шумпетер И. А.** История экономического анализа: В 3-х т. — С.-Петербург, 2001.
- Экономика культуры: Учебник / Отв. ред. А. Я. Рубинштейн. — М., 2005.
- Эрроу К. Дж.** Общее экономическое равновесие: цель исследования, методология анализа, коллективный выбор. Нобелевская лекция. 12 декабря 1972 г. / Лекции нобелевских лауреатов по экономике. Современная экономика и право. — М., 2005.
- Якобсон Л. И.** Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. — М., 1996.
- Якобсон Л. И.** Механизм хозяйствования в отраслях социально-культурной сферы. — М., 1988.
- Якобсон Л. И.** Государственный сектор экономики. Экономическая теория и политика. — М., 2000.
- Becker G. S.** «Altruism, Egoism, and Genetic Fitness: Economics and Sociobiology». Journal of Economic Literature. September 1976. 4:3.
- Bergson A.** A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // Quarterly Journal of Economics. February 1938.
- Bergstrom T. C.** «On the Evolution of Altruistic Ethical Rules for Siblings». // American Economic Review. March 1995. 85:1.
- Blümel W., Pethig R., Hagen O. v.d.** The Theory of Public Goods: A Survey of Recent Issues // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1986.
- Boulding K. E.** The Economy of Love and Fear: A Preface to Grants to Economics. California: Wadsworth, 1973.
- Bowen H. R.** The Interpretation of Voting in the Allocation of Economic Resources // Quarterly Journal of Economics. LVIII (November 1943).
- Brennan G., Lomasky L.** Institutional Aspects of «Merit Goods» Analysis, Finanzarchiv 41, 1983.
- Brennan G., Lomasky L.** Institutional Aspects of «Merit Goods» Analysis, Finanzarchiv 41, 1983.
- Clarke E. H.** Multipart pricing of public goods, Public Choice, 1971.

Литература

- Delhaes K.** Organising the Supply of Goods in the Transition Process. *Communist Economic and Transformation*. Vol. 5. № 1. 1993.
- Dynamics of the Mixed Economy: Toward a Theory of Interventionism**, by Sanford Ikeda. New York: Routledge, 1997.
- Etzioni A.** Toward a New SocioEconomic Paradigm // *Socio Economic Review*. 2003. №1.
- Frank R. H.** *Passions Within Reason: The Strategic Role of the Emotions*. New York: W. W. Norton, 1988.
- Getty G.** «The Hunt for r: OneFactor and Transfer Theories». *Social Science Information*, 1989, 28:2.
- Grinberg R., Rubinstein A.** *Economic Sociodynamics*. Berlin, Heidelberg. Springer-Verlag, New York, 2005.
- Groves T., Loeb M.** Incentives and public inputs // *Journal of Public Economics*, 1975.
- Harsanyi J.** Cardinal Welfare, Individualistic Ethics, and Interpersonal Comparisons of Utility // *Journal of Political Economy*, August, 1955
- Head J. G.** On Merit Goods, *Finanzarchiv* 25, 1966.
- Head J. G.** On Merit Wants, *Finanzarchiv* 46, 1988.
- Hirschman A.** Against parsimony: three easy ways of complicating some categories of economics discourse // *Economics and Philosophy*. 1985. 1,7
- Johansen L.** Some Notes on The Lindahl Theory of Determination of Public Expenditures // *International Economic Review*. 1963, Vol. 4, no 3 (September). Пер. на рус. яз.: Новый и лучший процесс осуществления общественного выбора / Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т 4. Под общей ред. А. П. Заостровцева. — СПб., 2004.
- Khalil E. L.** Adam Smith and Three Modern Theories of Altruism.
- Koboldt C.** *Ökonomik der Versuchung; Drogenverbot und Sozialvertragstheorie*. Tübingen, 1995.
- Kreuger A. O.** The Political Economy of the Rent-Seeking Society // *American Economic Review*. 1974, Vol. 64.
- Kuhn T. S.** *The Structure of Scientific Revolution*. Cambridge. 1970. Пер. на рус. яз.: Кун Т. Структура научных революций. — М., 1977.
- Lindahl E.** «Positive Lösung, die Gerechtigkeit der Besteuerung»: Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie, translated as: «Just taxation — a positive solution», 1919. In: R.S. Musgrave and A.T. Peacock (eds.). *Classics in the Theory of Public Finance*, London, 1958, 4-th Impression 1967.
- Margolis H.** *Selfishness, Altruism and Rationality: «A Theory of Social Choice»*. Chicago and London, 1982.
- Margolis J.** On Comment the Pure Theory of Public Expenditure. // *The Review of Economics and Statistics*. (May, 1955).
- Mazzola, H.**, 1890, I dati scientifici della finanza pubblica, Roma: in part translated in R. A. Musgrave and A. T. Peacock (eds.), 1958, *Classics in the Theory of Public Finance*, London.
- Menger C.** *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, 2. Aufn. Wien, 1923.
- Mises L. *Kritik des Interventionalismus*. 1927 / Darmstadt, 1976.
- Musgrave R. A.** The Voluntary Exchange Theory of Public Economy // *Quarterly Journal of Economics*, LIII (February 1939).
- Musgrave R. A.** A Multiple Theory of Budget Determination. *Finanzarchiv* 17, 1957.
- Musgrave R. A.** *The Theory of Public Finance*. N.Y.-London, 1959.

Литература

- Musgrave R. A.** Provision for Social Goods. In: Margolis J., Guitton H. (eds.). *Public Economics*, London-Basingstoke, 1969.
- Musgrave R. A.** Public goods, in: Brown, E.C./Solow, R.M. (Eds.), Paul Samuelson and *Modern Economic Theory*. New York, 1983
- Musgrave R. A.** Merit Goods. In: Eatwell J., Milgate M., Newman P. (Hrsg.). *The New Palgrave*, London-Basingstoke, 1987.
- Musgrave R. A., Musgrave P. B., Kullmer L.** *Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis*. B. 1, 6. Auflage, Tübingen, 1994.
- Musgrave R. A.** Public Finance and Finanzwissenschaft Traditions Compared, in: *Finanzarchiv*, 1996. N.F., 53.
- Nagel E.** *The Structure of Science. Problem in the Logic of Scientific Explanation*. — London, 1961.
- Olson M.** Toward a More Theory of Governmental Structure. Budget Reform and of Theory of Fiscal Federalism. *AEA Papers and Proceedings*, May 1986. vol. 76, № 2.
- Phelps E. S.** *Altruism, Morality and Economics Theory*. New York: Russell Sage Foundation. 1975;
- Pickhardt M.** Fifty years after Samuelson «The Pure Theory of Public Expenditure»: What are we Left with? ([http://data.vatt.fi/iipf2002/members/papers/- Pickhardt.pdf](http://data.vatt.fi/iipf2002/members/papers/-Pickhardt.pdf))
- Priddat B. P.** Zur Okonomie der Gemeinschaftsbedürfnisse: Neuere Versuche einer ethischen Begründung der Theorie meritorischer Güter // *Zeitschrift für Wirtschaftsund Sozialwissenschaften* 112, 1992.
- Reisman D. A.** Exchange and Authority: The Mixed Economy, *American Review of Political Economy*. Vol. 3. No. 2. December 2005.
- Samuelson P. A.** The pure theory of public expenditure // *Review of Economics and Statistics*, 1954.
- Samuelson P. A.** Diagrammatic Exposition of a Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*, 37, 1955.
- Samuelson P. A.** The Pure theory of public expenditures and taxation. *Public Economics*, J. Margolis and H. Guitton (eds.). London, 1969.
- Samuelson P.** Reaffirming the Existence of «Reasonable» Bergson—Samuelson Social
- Margolis H.** *Selfishness, Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Sax E.** Die Wertungstheorie der Steuer // *Zeitschrift für Volkswirtschaft und Sozialpolitik*. 4, 1924; reprinted in: *Zeitschrift für Nationalökonomie*, XV, 1956, translated by E. Henderson as: The Valuation Theory of Taxation, in: Musgrave, R.A. / Peacock, A. T. (eds.). *Classics in the Theory of Public Finance*. London: Mac-Millan, 1958.
- Sax E.** *Grundlegung der Theoretischen Staatswirtschaft*. Wien: Alfred Hölder. 1887.
- Schmidt K.** Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern // *Zeitschrift für Wirtschafts — und Sozialwissenschaften*. 108. Jahrgang 1988. Heft 3.
- Sen A.** Rational fools: a critique of the behavioral foundations of economic theory // *Philosophy and Public Affairs* 1977, 6(4).
- Shamanske H.** *Public Goods, Mixed Goods, and Monopolistic Competition*. College Station: Texas A&M University Press. 1991.
- Simon H. A.** A Mechanism for Social Selection and Successful Altruism // *Science*. 21 December 1990, 250. (Reprinted in Zamagni, 1995.)
- Thaler R. H., Shefrin H. M.** On Economic Theory of Self-Control // *Journal of Political Economy* 89, 1981.

Литература

Tian G. Microeconomic Theory. Mimeo, 2006.

Tideman T. N., Tullock G. A New Superior Process for Making Social Choice // Journal of Political Economy. 1976. 84. Пер. на рус. яз.: Новый и лучший процесс осуществления общественного выбора / Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т 4. Под общ. ред. А. П. Заостровцева. — СПб., 2004.

Tietzel M., Muller C. Noch mehr zur Meritorik // Zeitschrift für Wirtschafts — und Sozialwissenschaften. 118. Jahrgang 1998 Heft 1, Berlin, Duncker & Humblot.

Vickrey W. S. Counterspeculation auctions and competitive sealed tenders, // Journal of Finance, 1961

Wicksell K. 1896, Finanztheoretische Untersuchungen nebst Darstellung und Kritik des Steuerwesens Schwedens, Jane; in part translated in R. A. Musgrave and A. T. Peacock (eds.), 1958, Classics in the Theory of Public Finance, London.

Александр Яковлевич
РУБИНШТЕЙН

А. Я. Рубинштейн — первый заместитель директора Института экономики РАН, заведующий кафедрой экономики искусства в Школе-студии (вуз) при МХТ им. А. П. Чехова, профессор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова.

1971 — окончил Мехмат МГУ им. М. В. Ломоносова

1972 — окончил Высшие экономические курсы при Госплане СССР

1976 — кандидат экономических наук

1992 — доктор философских наук

1994 — профессор

Сфера научных интересов — общая экономическая теория, экономика социального сектора, теория публичных благ, мериторика, теоретическая и прикладная экономика культуры, экономика и социология искусства.

А. Я. Рубинштейн — создатель (совместно с Р. С. Гринбергом) концепции «Экономической социодинамики», по тематике которой опубликовано более двадцати научных статей и пять монографий, изданных в России и за рубежом. В том числе:

1999 — «Ökonomische Soziodynamik und rationales Verhalten des Staates». Köln, «BIOST»

2000 — «Экономическая социодинамика». М.: «ИСЭПРЕСС»

2003 — «Структура и эволюция социального интереса». М.: «ИСЭПРЕСС»

2005 — «Economic Sociodynamics». Berlin, New York: «Springer»

А. Я. Рубинштейн — автор оригинальной экономической теории культурной деятельности, представленной в фундаментальных трудах и первом в России учебнике «Экономика культуры»:

2001 — «Художественная жизнь современного общества». В 4 т. СПб.: «Дмитрий Буланин»

2002 — «Экономические основы культурной деятельности». В 3 т. СПб.: «АЛТЕИЯ»

2005 — «Экономика культуры»: Учебник. М.: «СЛОВО/SLOVO»

А. Я. Рубинштейн — действительный член Международной ассоциации экономики культуры ACEI, член президиума европейского исследовательского института культуры и искусств ERICArts.

Оглавление

Введение	3
Глава I.	
Парадокс публичных благ	7
I. 1. Предпосылка Самуэльсона	10
I. 2. Гипотеза Масгрейва	12
I. 3. Условие Марголиса	14
I. 4. Парадигма комплементарности	17
Глава II.	
Принцип инверсии	22
II. 1. Исходные предпосылки	23
II. 2. Центральная лемма	25
II. 3. Принцип инверсии и равновесие Линдаля	26
Глава III.	
Расширенная версия Самуэльсон условий	30
III. 1. О дефинициях общественных товаров	30
III. 2. Социальная типология благ	32
III. 3. Условия равновесия и социальный оптимум	34
III. 4. Две ветви социальной динамики	39
Вместо заключения	45
Литература	48